
АДРИАНА ДАРИ
ЭРИС ШЕЙД
Истинная с коготками для дракона
Академия Лоренхейта

Адриана Дари

Истинная с коготками для дракона. Академия Лоренхейта

«Автор»
2026

Дари А.

Истинная с коготками для дракона. Академия Лоренхейта / А. Дари — «Автор», 2026

Что может быть хуже, чем проснуться в чужом мире? Разве что обнаружить себя сначала кошкой, а потом голой на коленях у грозного преподавателя академии магии!Теперь я притворяюсь студенткой с потерей памяти и пытаюсь ужиться с Иррегардом Джонсом — драконом с принципами и секретами. Проблема в том, что... Да у меня сплошные проблемы! Попаданки здесь считаются исчадиями ада, мое прикрытие трещит по швам, а Джонс что-то подозревает. Да еще и на горизонте маячит какой-то тиран, которому позарез нужна моя невинность.Успею ли я разобраться со всем и не влюбиться в дракона, который по закону должен меня уничтожить?* попаданка с юмором* дракон с секретами* легкая история* хэппи-энд

© Дари А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 25
Глава 10 28
Глава 11 30
Глава 12 32
Глава 13 36
Глава 14 39
Глава 15 41
Глава 16 43
Глава 17 46
Глава 18 48
Глава 19. Иррегард Джонс 50
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Эрис Шейд, Адриана Дари Истинная с коготками для дракона. Академия Лоренхейта

Глава 1

“Не хочу ничего решать! У меня лапки!”

Эту фразу так хотелось просто прокричать всем, когда я поняла, сколько на меня свалилось. Ну я и прокричала в сердцах на Лысой горе прямо в небо.

А теперь я смотрю на свои лапки и понимаю, что настолько прямолинейного исполнения своих слов точно не ожидала. Но ведь так не бывает! Не бывает же?

Это я тоже пытаюсь прокричать, но из горла вырывается только жалобный “мяу!” Я схожу с ума?

Плюхаюсь на попу и нервно обвиваю себя хвостом. Вздрагиваю. Ощущения похожи на те, когда онемевшая рука среди ночи касается лица. Но это не рука, это хвост! Какой-то желтоватый, пушистый, с красивым белым кончиком.

Хм... Вот тут плохо волоски лежат, надо пригладить. Наклоняюсь, вытаскиваю язык…

О, нет! Нет, нет, нет! Я не буду вылизываться!

Заставляю себя отвлечься от нервирующих волосков и осматриваюсь: я сижу на столе. Большом, из темного дерева, на котором стоит чернильница с пером и лежат стопки бумаги с какими-то надписями. Они кажутся размытыми, и сколько я ни пытаюсь сфокусироваться на них, никак не получается — слишком близко.

Вокруг все огромное, немного пугающее: приоткрытая дверь, шкафы, разной формы непонятные штуки и пузырьки на полках, кажется, сотни книг. Телескоп в углу.

А! Поняла. Это просто такой сон. Как будто я попала в какой-то магический мир. Наверное, все же надо было поменьше фэнтези читать.

Мир для меня будто лишен части цветов… Похоже на старую выцветшую фотографию. Комната словно тонет в полумраке, зато я прекрасно вижу, как солнечный луч из окна падает на пол, и в нем пляшут миллионы пылинок. Это гипнотизирует.

Срываюсь с места, легко соскакиваю со стола и пытаюсь поймать их, но тут замечаю движение сбоку. Даже не успеваю понять, что это, как тело напрягается, и я в два прыжка оказываюсь под тем самым столом, на котором сидела.

В комнату врывается ветерок, который приносит запах можжевельника и выделанной кожи. Уверенные, но очень мягкие, как у опасного хищника, шаги заставляют тело превратиться в сжатую пружину, готовую выстрелить в любой момент времени.

Сердечко колотится, пока я из-под стола наблюдаю, как огромный незнакомец проходит через весь кабинет, что-то напевая себе под нос. Я как будто кончиками усов чувствую, что меня тут быть не должно.

Оцениваю возможность сбежать: прикидываю расстояние между столом и дверью. Успею?

Шаги отдаляются, незнакомец проходит куда-то вглубь, к шкафам, и я нахожу в себе смелость чуть выглянуть из-под своего укрытия, чтобы посмотреть на него.

Вижу его только со спины. Высокий. Очень высокий. Ширина плеч подчеркивается еще и темной жилеткой на белой рубашке. Движения плавные, но наполненные силой. Точно хищник. Опасный.

Он внимательно рассматривает полку с книгами, поэтому я задерживаю дыхание и решаю припустить к двери.

— Вот вы себя и выдали, — слышу я голос незнакомца.

Дверь захлопывается прямо перед моим носом, и я оказываюсь в ловушке.

Так он меня заметил сразу!

Мысли в голове скачут как зайцы. Отличное сравнение! Зайцы в голове у кошки. Хотя чему я уже удивляюсь?

Резко разворачиваюсь, прижимаясь боком к закрывшейся двери и выгибая спину. Все вокруг как будто становится четче, ярче, опаснее. Справа летает какая-то мошка и жужжит, отвлекая. Чувствую запах пыли, чернил и… кажется, кофе от пятна на ковре в трех кошачьих шагах от меня.

— Испугались? — мягким баритоном произносит незнакомец и рассматривает меня, пока что не делая попыток приблизиться.

И правильно! Готова защищаться! Когтями, зубами и хвостом!

— Знаете, я ожидал чего угодно, но чтобы кошка полезла за ответами к квалификационному тесту по иллюзиям… Вы, студентка Уоткинс, смогли меня удивить, — он улыбается, но я по глазам вижу угрозу. — Нашли то, что искали? Мне все же интересно, как вы собирались их унести? В зубах?

Студентка… Это ко мне? Кошка-студентка? В магической академии? Никогда бы не подумала, что моя фантазия способна на такое. Удивительный сон.

Мужчина плавным, но наполненным упругой силой движением откидывает упавшую на глаза челку и делает шаг ко мне. Мне резко перестает нравиться этот сон, потому что от этого большого и, не могу не заметить, мужественного преподавателя исходит явное ощущение опасности.

Надо проснуться. Что там обычно делают? Щиплют себя? Ущипнуть не могу. Могу только укусить свой хвост. Я даже бросаю на него взгляд, но, как только думаю о шерсти во рту, отметаю этот вариант.

Что еще? А! Упасть! Взгляд перемещается на окно. Оно открыто — то, что надо. Раз — и я проснулась!

Незнакомец делает еще пару шагов ко мне, и пружина, которая все это время сжималась внутри меня, выстреливает. Я срываюсь с места, запрыгиваю сначала на стол, скачу по нему, скидывая бумаги, задевая и опрокидывая чернильницу. Потом, оттолкнувшись, перелетаю на бархатные шторы, цепляясь за них когтями, слышится треск, и я чуть не сваливаюсь, но вовремя группируюсь.

И вот я уже на подоконнике, а несчастный цветок с грохотом на полу, распахнутая створка практически рядом, но…

Окно захлопывается, так же как и дверь чуть раньше, а меня успевают перехватить за шкирку, словно напроказничавшего котенка. Черт! Да я и есть котенок!

— Какого демона?! — восклицает преподаватель. — С ума сошла?! Тут тридцать метров до земли!

Я издаю воинственный “мяу!”, в котором слышится содержательный ответ на его претензии по поводу моего сумасшествия и предупреждение, что я буду защищаться. А потом происходит что-то и вовсе неожиданное.

Меня ослепляет яркая вспышка, и когда зрение восстанавливается, я понимаю, что незнакомец сидит на полу, а я сижу на нем. Только проблема в том, что теперь я уже не кошка — я человек. И я абсолютно голая!

Глава 2

Молчание затягивается. Я молчу, потому что горло перехватило от испуга, а преподаватель, наверное, от удивления.

Вижу, как движется его кадык вверх-вниз, брови сначала взмывают вверх, а потом сходятся на переносице. Он делает непонятный пас рукой, и на мне как будто бы появляется одежда.

Как будто бы, потому что я точно понимаю, что обнажена — прохладный воздух помещения касается кожи, от чего она покрывается мурашками, но визуально это незаметно. Я как будто в платье.

— Знаете, студентка Уоткинс, — грозно произносит преподаватель. — Если бы вы просто проникли в кабинет, то могли бы ограничиться отработкой. В конце концов, я ожидал, что кто-то рискнет достать ответы. Но вы переходите все границы, и я должен буду доложить об этом ректору Ферсту. Встаньте.

Я неловко подскакиваю с места и буквально отпрыгиваю на пару шагов, обхватывая себя руками, потому что все еще хочется прикрыться. Преподаватель поднимается с пола, и я понимаю, что мне не показалось — он действительно очень высокий. Даже если смотреть на него с высоты не кошачьего, а человеческого роста.

Преподаватель берет со стула пиджак и накидывает мне на плечи. Он мне почти по колено, что немного позволяет расслабиться. Материал плотный, но мягкий, теплый, а еще… от него пахнет можжевельником, кожей и горьким кофе.

Сейчас, когда я все же уже не кошка, а человек, начинаю осознавать, что что-то тут не то. Во сне, как правило, есть картинка, может, даже звуки. Но такие яркие запахи и тактильные ощущения…

Все же щиплю себя за кожу предплечья незаметно, под пиджаком. И шиплю от боли.

Это. Не. Сон.

— Я ничего не делала, — выдаю я, повернувшись к преподавателю.

Голос нежный, мягкий и совсем не мой. Как и руки… Как и рыжие волосы, которые растекаются яркими волнами по моим плечам.

— Не делали? — брови незнакомца поднимаются снова вверх. — То есть проникнуть в кабинет преподавателя — это “ничего”? И сделать оборот в его присутствии, зная, что вы будете без одежды, с целью скомпрометировать — это тоже “ничего”? Вы же поэтому не взяли с собой артефакт сохранения?

Нервно сглатываю и мотаю головой.

— Я… не знаю.

Зато честно. За правду же не бьют?

— Что значит “не знаю”? — его глаза сужаются, в глазах появляется жесткость и подозрение, а зрачок становится… вертикальным?

Я хватаюсь за первую мысль, которая приходит в голову — притвориться, что ничего не помню. И за то время, пока думают, что со мной делать, разобраться в ситуации. Ну а что, рабочая же схема?

— Я ничего не помню, профессор…

Он ждет секунду, замечая мой вопросительный взгляд, а потом подсказывает:

— Профессор Джонс. И… сколько вы не помните?

— Ничего не помню. До того момента, как оказалась на вашем столе, — отвечаю я почти правду, потому что вряд ли же его интересует то, что я вчера делала на Лысой горе?

Джонс задумывается, кивает мне на стул, молчаливо приказывая сесть.

— Ждите здесь, — говорит он и уходит за стеллажи.

Вернувшись, он приносит с собой штаны и такую же белую рубашку, как надета на нем.

— Оденьтесь там, — он указывает на ширму в углу комнаты, — а потом ждите меня у входа в башню. Раз ничего не помните, вам надо в лазарет. Я отведу, — Джонс говорит вкрадчиво, но очень убедительно. — Но только попробуйте сбежать — и все годы учебы будут напрасны, потому что диплом вы не получите.

Я киваю и спешно выполняю все то, что мне было сказано. Нет, вариант сбежать от этого всего мне очень по душе. Но чтобы сбегать, надо понимать, что вообще происходит. Так что… в лазарет, так в лазарет.

Одежда, выданная мне Джонсом, велика. Я на две трети закатываю рукава и на половину штанины. А еще мне приходится придерживать руками брюки, чтобы они не сваливались. Но это лучше, чем ощущать себя голой.

Спускаться с этой башни мне приходится долго. К концу винтовой лестницы я понимаю, что меня уже подташнивает и голова кружится, поэтому я с радостью вываливаюсь на улицу и вдыхаю свежий воздух, поднимая лицо к солнышку.

Но насладиться им не успеваю, меня резко дергают за руку и прижимают к прохладной каменной кладке.

— Ну что, киса, достала то, что должна была? — нависнув надо мной, рычит абсолютно рыжий конопатый бугай.

Глава 3

Не дадут бедной кошечке спокойно в себя прийти!

От испуга чуть штаны не теряю, но вовремя успеваю перехватить их и подтянуть повыше. Все же бывшая хозяйка тела была счастливой обладательницей очень хрупкой фигурки. Я б за такую душу продала.

Н-да… В некоторых случаях лучше быть аккуратнее и с мыслями, и с желаниями.

— Кэтти, ты что, оглохла? — снова рявкает рыжий. — Где. Мои. Ответы?

Ага. Меня зовут Кэтти, а ответы я хотела своровать не для себя, а для него.

— А я не помню, — глядя на бугая совершенно искренним взглядом и для поддержания эффекта еще хлопая ресничками, отвечаю я.

— Не помнишь? — эту фразу рыжий говорит негромко, но так, что пробирает до спинного мозга. — Какого Ярхаша, Кэтти? Место свое ты забыла! От тебя драконом несет за версту, и что это вообще на тебе?

Пожимаю плечами:

— Одежда. Какая была, — снова ни грамма вранья.

— А, может… Может, ты вообще лечь под него решила, а? Думаешь, так получится избежать возвращения в клан?

На лице рыжего появляется оскал, и я замечаю ярко выраженные клыки и опасный прищур. Кхм… Так он тоже оборотень?

— Так ты тоже котик? — вырывается у меня.

— Что?! — тут у бугая, похоже, кончается терпение, и он хватает меня за руку и куда-то тянет. — Идем, я тебе быстро напомню про то, как нужно говорить со старшим в клане.

Он дергает так резко, что я чуть не падаю. Наступаю босой ногой на какой-то камень и вскрикиваю от неожиданности.

— Студент Уоткинс, — раздается строгий голос, — кажется, вы в чем-то ошиблись. Напомните, кто у вас в клане старший?

Уоткинс, значит? Брат? Вот уж повезло с родственничком, так повезло! Хотя можно было предположить, учитывая, что у меня тоже рыжие волосы, правда, с одной абсолютно белой прядью.

— Мой отец, профессор Джонс, — мрачно отвечает рыжий, но даже не думает выпустить мою руку из своих крепких, но противно влажных пальцев.

Ладошки у него потеют — значит, волнуется. Значит, рыльце в пушку, и он понимает это.

— Хорошо, что вы это помните. Надеюсь, что ответы на вопросы на экзамене вы тоже будете хорошо помнить, — с прозрачным намеком говорит Джонс. — Можете идти. У меня к студентке Уоткинс есть несколько вопросов.

Рыжий бросает на меня взгляд, говорящий: “Только попробуй что-то рассказать!”, — и уходит в сторону парка. Я снова подтягиваю штаны и, пожимая плечами, мысленно отвечаю ему: “Хотела бы рассказать — не получилось бы”.

Но вывод я делаю: с родственничками ухо надо держать востро, а лучше вообще до новой встречи разобраться во всех этих клановых войнах.

— Я не нашел в кабинете вашего артефакта сохранения, видимо, вы его оставили где-то у себя. С обувью помочь не могу, — коротко произносит Джонс и окидывает меня взглядом с ног до головы и обратно. — Идемте, я профессору Курт уже сообщил, она нас ждет.

Я чувствую, что за все время нашей непродолжительной прогулки Джонс еще несколько раз пристально рассматривает меня, когда думает, что я не замечаю. Как будто он видит меня впервые.

Но вообще он же знал Кэтти, поэтому я не должна выглядеть как-то… непривычно. Ну если не считать того, что на мне его одежда, которая мне, кажется, на пару десятков размеров велика.

Пока мы идем, я замечаю, что сейчас почти лето, мощеная дорожка под моими ногами приятно греет отполированным за долгие годы камнем. Деревья покрыты сочной зеленой листвой, а в их ветвях сидят разноцветные птички и весело щебечут.

Мир был бы прекрасен, если бы я понимала, где я, кто я и что меня ждет. Ну и правила игры в этом мире тоже было бы неплохо узнать.

Мы проходим мимо фонтана и высокой башни с часами, заворачиваем и довольно быстро оказываемся перед белоснежным зданием с невысоким крыльцом. Кажется, что все больницы во всех мирах похожи, вопрос только в нюансах.

Даже пахнет внутри похоже: лекарствами, какими-то травами и спиртовыми настойками.

Нам навстречу выходит девушка в белом — кто бы удивился, да? — халате, в чепчике и с… заостренными ушами. Хорошо, тут есть чему удивиться!

Она окидывает нас сосредоточенным взглядом больших вишневых глаз, кивает и проводит в дальний кабинет, словно не желая разговаривать в коридоре.

— Профессор Джонс, Кэтти, — эльфийка показывает на кресла, а сама садится напротив — за стол. — Расскажите, что произошло.

Кажется, что она расслаблена, но по сдержанным движениям и внимательному взгляду ясно: она воспринимает эту ситуацию всерьез.

— Студентка Уоткинс пробралась ко мне в кабинет, чтобы достать ответы на экзамен: я специально сказал сегодня на лекции, что уже подготовил их и держу на своем столе. Даже дверь приоткрыл, — рассказывает Джонс свой коварный план. — И, как видите, не ошибся…

— А я вижу, что у вас что-то пошло не так, — недовольно вставляю я. — Иначе почему я ничего не помню? А если не помню, то и не виновата.

Курт впивается в меня взглядом. Поймет, что я не Кэтти? А, может, честно признаться — и дело в шляпе?

— Что именно не помните? Как вошли в кабинет? Как искали билеты? — вкрадчиво спрашивает целительница.

— Да я до встречи с этим рыжим не помнила даже, как меня зовут! — возможно, слишком громко выпаливаю я.

Виснет тишина. Теперь напрягается даже Джонс.

— Какая защита у тебя стоит на кабинете? — отбросив официоз, эльфийка обращается к преподавателю.

— Ничего из того, что могло бы дать такой результат, — отвечает он серьезно. — Я уже проверил.

— Но должна же быть какая-то причина, — снова бухчу я. — Не сама же я себе амнезию устроила.

— Что? — мгновенно реагирует Курт.

Хм… У них нет тут слова “амнезия”? Лучше следить за своим лексиконом.

— Профессор, я ничего не делала, — говорю я.

Эльфийка долго смотрит на меня, потом на Джонса, выгибает бровь и произносит:

— Об этом непременно нужно сообщить ректору. А вас, Кэтти, я пока что оставлю здесь, проследить, какие еще могут быть последствия у… защитного заклинания профессора Джонса.

Я даже немного расслабляюсь — не самый плохой вариант, остаться тут. Хоть пока что с ненормальным братцем не встречусь.

Меня проводят в светлую просторную палату, где на одной из двух кроватей уже сидит девушка. Она сосредоточенно что-то читает, хмурится и кусает губы.

— Привет, — говорю я и негромко откашливаюсь.

— О! — девушка вскидывает голову. — Привет! А ты с чем здесь? Я вот с бессонницей.

Хорошее знакомство: вместо имени диагноз.

— Я с потерей памяти, — пожимаю плечами я.

— Точно с потерей? — она хмурится, словно когтями вцепляется в меня взглядом. — Не обманываешь?

Мотаю головой:

— Вообще ничего. Раз — и забыла!

Она расслабляется и откидывается на спинку кровати:

— Ну слава богам! — говорит она. — А то вдруг попаданка.

“Попаданка”? Значит, тут есть такое понятие. Я усмехаюсь, но сама превращаюсь во внимание и осторожненько так, в шутку говорю:

— Ты это сказала так, будто попаданка хуже упыря.

Девушка делает страшные глаза и испуганно произносит:

— Ты что! Конечно, хуже! Все же знают, что попаданки безумны, поэтому их сразу казнят!

Глава 4

Пу-пу-пу… Я закашливаюсь от неожиданности, а у самой чувство, как будто меня в ледяную воду окунули. Хорошо, что я еще Курт все не выложила, а то б сейчас наверняка сидела не тут, а уже б связанная в каком-нибудь подвале.

— Как интересно… — вырывается у меня.

— Интересно? — вскидывает брови соседка. — Ну наконец-то!

У нее загораются глаза и розовеют щеки. И кто еще из нас двоих тут ненормальный?

— Что, прости?

— Наконец-то кто-то действительно обратил внимание на эту проблему! — восклицает она и показывает мне книгу, которую читала. — Вот с кем ни говорю, все отмахиваются. Говорят, что давно у нас в мире попаданцев не было, да и вообще все это сказки. Но вот! Тут же рассказывается про попаданку буквально несколько лет назад! Прямо здесь, в академии!

Девушка входит в раж, уже прямо повышает голос, и я пугаюсь, что если сейчас ее не остановить, то толковой информации я не узнаю. А мне очень надо.

— Я Кэтти, а тебя как зовут? — прерываю я ее и немного сбиваю с мысли.

— Майла, — произносит она. — Я с факультета Рукописей и Артефактов, а ты?

Пожимаю плечами и развожу руки.

— Ах, да… — озадачивается она. — Ты же совсем ничего не помнишь. Вот! А вот тут, — Майла снова трясет книгой, — и написано, что девушка очень сильно изменилась и делала вид, что просто все забыла. А на самом деле была попаданкой. Автор сама слышала признание. Ты точно не из другого мира?

Мотаю головой. Точно из другого, но теперь в этом ни за что не признаюсь.

— Эх… Вообще, конечно, соседка-попаданка — это круто. Хоть и недолго, — Майла разочарованно вздыхает и откидывается на спинку кровати.

— А как их определяют? — закидываю первую удочку.

— Ну… согласно древним источникам — а я их все-все прочитала! — задумывается соседка. — Так вот, согласно им, попаданцы ведут себя как безумцы. Кидаются на всех, говорят какие-то странные вещи, а еще… у них аномально много магии, и поэтому они одним ударом могут выкосить половину армии короля! Вот.

На всякий случай задумываюсь, не безумна ли я. Если не считать абсурдности вообще всего происходящего со мной, включая те самые милые лапки, которые я увидела первыми в этом мире, вроде мозги на месте.

Магия… Еще бы знать, что это такое и с чем ее едят. Конечно, можно представить ее как энергетические шары или заклинания, срывающиеся с волшебных палочек. Но я уже видела, как по щелчку пальцев Джонса закрывались окна и двери. А еще была иллюзия, которую он наложил на меня, когда я…

Кровь приливает к лицу, от смущения загораются даже кончики ушей от этого неловкого воспоминания.

Но, как почувствовать в себе магию, я так и не могу придумать.

— Как видишь, я не подхожу под описание, — с улыбкой говорю я.

— Та попаданка тоже не подходила! — Майла снова кивает на книгу. — Но иногда говорила и делала странные вещи.

— Дашь потом почитать? Очень уж интересно ты рассказываешь.

Она кивает, и я уже хочу продолжить разговор, как снаружи доносится возмущенный голос дежурной девушки-целительницы, которая сидела у входа в лазарет, когда мы вошли. А потом дверь распахивается, а на пороге появляется мой “братец”:

— Что за представление ты тут устроила?! — кажется, он еще больше разозлен, чем был до этого, когда понял, что не видать ему ответов.

— Я ничего не делала, — едва сдерживаю улыбку.

Кажется, эта фраза будет моим девизом, по крайней мере, на первое время. Вижу, как соседка обалдевает от всего происходящего, только переводя взгляд с меня на рыжего и обратно.

— Ты забыла про свое завидное будущее?

— Именно так! Наконец-то до тебя дошло! — я пожимаю плечами.

— Хочешь побыстрее оказаться в лапах Гайверса? Я могу это устроить. А нет — делай, что должна!

Так. Новое имя — Гайверс, который имеет смелость тянуть свои лапы ко мне. Запомню, но подумаю об этом позже. А в отношении остального — меня бесят эти манипуляции и угрозы. Всегда бесили, потому и орала на Лысой горе.

— Что должна — прощаю! — не сдерживаюсь я.

— Ты сейчас встаешь и идешь в дом клана, — приказным тоном сообщает рыжий.

— Никуда она не идет, студент Уоткинс, — раздается строгий голос Курт. — А вы имеете все шансы получить дисциплинарное взыскание.

Целительница заходит в палату, и, несмотря на ее небольшие габариты, становится очевидно, что рыжий против нее как палка против трактора. Ей даже не надо хмуриться, чтобы было понятно: она раздражена. Позади нее та самая девушка-целительница — видно, доложила и привела.

— Профессор Курт, она притворяется, — зло бросает “братец”. — Я уже связался с отцом по поводу ее поведения. Он отдал распоряжение вернуть ее в клан.

Эльфийка поднимает одну бровь и чуть наклоняет голову вниз.

— А вот это уже решать не вам и не вашему отцу, — холодно произносит она. — На территории академии подобные распоряжения может отдавать только ректор, поэтому… До его решения Кэтрин Уоткинс останется здесь. А вы, молодой человек, если не уйдете сами, можете навлечь на себя очень много проблем.

Я “мило” улыбаюсь своему братцу, а у него, кажется, подгорает. Вот-вот дымиться начнет. Или полыхать огнем цвета его волос. Но он снова решает отступить, выбирая свою безопасность в первую очередь. А вот что будет, когда мне все же придется выйти отсюда и вернуться в, как он сказал, “дом”, я даже думать боюсь.

До этого момента надо бы разобраться в происходящем.

Рыжий выходит под пристальным взглядом Курт. Эльфийка тоже кивает и покидает палату. Дежурная целительница оставляет мне простое платье, раскладывает пузырьки на столике у Майлы и уходит.

— Так Вернон Уоткинс — твой брат? — с круглыми глазами спрашивает соседка. — Я бы тоже предпочла сделать вид, что все забыла.

Так я узнаю, что об отвратительном и заносчивом характере оборотня-льва, наследника в клане, знает пол-академии. Точнее, не так. Знают все, кто с ним знаком.

То, что Кэтти была не львицей, а какой-то кошкой, вполне объясняет пренебрежение к ней. Логика подсказывает мне, что она могла быть незаконнорожденной, а потому с очень и очень урезанными правами. И это сейчас может весьма серьезно затруднить мне жизнь.

Но пока что все происходящее кажется каким-то ненастоящим, временным, что ли. Вот сейчас что-то произойдет, и я проснусь в своих привычных проблемах. Может, поэтому я все еще не впала в отчаяние и пытаюсь относиться ко всему с юмором?

Я переодеваюсь в мягкое, но очень непривычное по фасону платье, нам приносят ужин прямо в палату. А потом мы еще какое-то время болтаем с Майлой, пока она не отрубается прямо посреди разговора. И это у нее-то бессонница?

Впрочем, даже несмотря на нервное состояние, меня тоже быстро уносит в сон. Может, они в ужин что-то подмешали?

— Профессор Джонс отведет вас к ректору, — говорит Курт, когда утром вызывает к себе в кабинет. — Я сняла все важные показатели, теперь мне нужно их проанализировать и понаблюдать.

Кажется, сегодня она более хмурая, чем вчера. Между красивых бровей залегает глубокая складка, пока эльфийка рассматривает бумаги в толстой папке перед ней.

— Но я… вспомню? — спрашиваю я, пытаясь выглядеть как можно менее подозрительно.

Она поднимает на меня тяжелый взгляд. Такой, как будто она точно знает, что я вру. У меня даже холодок по спине пробегает.

— Зависит от причин, — коротко отвечает целительница. — Идите, профессор встретит вас у крыльца.

Джонс, как и вчера до неприличия мужественный и небрежно идеальный, ждет у лестницы и замечает меня сразу, как будто с нетерпением ждал, когда я появлюсь.

— Ваша одежда, — я протягиваю ему стопку с теми вещами, которые он мне вчера дал напрокат.

— И это вы не забыли? — усмехается Джонс.

— Я забыла все только до одного момента. И, если я правильно понимаю, все из-за ваших заклинаний, — пожимаю плечами.

— Или из-за того, что вы влезли туда, куда не следовало? — возвращает он мне претензию.

Тут, увы, мне нечего ответить, потому как Кэтти точно влезла. И точно напрасно. Только вот расхлебывать теперь мне.

— Будете жаловаться ректору? — уточняю я, желая знать, к чему мне готовиться.

— Обсудим вашу ситуацию, — немного раздраженно отвечает он. — И целесообразность оставлять вас в академии.

Я напрягаюсь и сжимаю кулаки. Если в академии я еще знаю, чего мне ожидать хотя бы приблизительно, но что меня ждет там, снаружи — в клане или у этого, как его, Гайверса — неизвестно. И интуиция вопит, что лучше там не будет.

Мы идем как раз в ту самую башню с часами, которую я увидела накануне, поднимаемся почти на самый верх, и Джонс оставляет меня в пустой приемной, заставленной шкафами с разными книгами.

— Я тебя позову, — говорит он, скрываясь за дальней дверцей. — Жди.

Пожимаю плечами и медленно иду вдоль полок, рассматривая красивые фолианты в кожаных переплетах. Часть названий я могу разобрать, часть написана на неизвестных языках.

Внимание привлекает фигурка, похожая на глобус, на третьей полке. Я тянусь и достаю ее, чтобы рассмотреть. Но задеваю рукавом полку пониже, поднимая в воздух облачко пыли.

Она щекочет нос, я не выдерживаю и после трех вдохов громко чихаю, чувствуя, как обжигает грудь. А когда открываю глаза, то вижу, что деревянный шкаф передо мной покрылся листьями и… зацвел.

Да уж, не спалилась.

Глава 5

— Что здесь происхо… — в приемной показывается Джонс, видит то, что стало со шкафом, бросает на меня негодующий взгляд, и…

После яркой вспышки слышится звук падения деревянной фигурки на паркет, и весь мир передо мной предстает огромным и немного обесцвеченным. Короче, у меня опять лапки!

— Студентка Уоткинс? Опять скажете, что вы ничего не делали? — Джонс смотрит на меня сверху вниз, и от этого хочется просто развернуться и дать деру.

Ну, примерно так же, как там, у него в кабинете. Только теперь уже ясно, что прыгать в окно не стоит — проснуться не поможет.

— Профессор Джонс? — из кабинета следом выходит мужчина с длинными волосами, внимательным взглядом и каким-то располагающим к себе выражением лица. Не то что этот Джонс. — Какая у вас получилась потрясающая иллюзия.

Профессор удивленно смотрит на своего собеседника и, кажется, не находит, что ответить, кроме:

— Но я ничего не делал, господин ректор.

Мужчина поднимает одну бровь, как будто усмехаясь, а потом переводит взгляд на меня, присаживаясь рядом.

— Ну не эта же маленькая кошечка сотворила с вековым шкафом такое, — говорит он, почесывая меня за ухом.

— Действительно, — нехотя соглашается Джонс.

Что? Но это же точно не он, это же я! Потому что его вообще тут не было, когда шкаф зацвел.

Чувствую, как у меня прикрываются глаза, а в горле появляется ощущение легкой вибрации. М-м-м… Это так здорово. Лучше, чем массаж после долгого рабочего дня! Даже все разумные мысли вылетают из головы. Я… мурлыкаю!

Это осознание приводит немного в чувство, и я хоть и против воли, но все же отдаляюсь от этой большой руки и предупредительно мяукаю. А вот нечего тут!

— Так это ты забыла все на свете из-за слишком сильной защиты профессора Джонса? Даже артефакт сохранения забыла?

— Она его еще до меня забыла, — раздраженно говорит Джонс, как будто его что-то очень злит. — Вот только случайно или намеренно — это еще предстоит выяснить.

Ректор поднимается на ноги, теперь так же внимательно рассматривая моего обвинителя.

— Я так полагаю, студентка совершает неконтролируемые обороты, поэтому не стоит обвинять ее в том, что сейчас не доказать, — произносит он. — А вот насчет дальнейшей судьбы студентки надо хорошо подумать. Кэтти, — теперь он обращается ко мне с очень серьезным выражением лица. — Мы с профессором Джонсом сейчас зайдем обратно в кабинет, а ты постараешься успокоиться и представить, что снова человек. А потом оденешься и зайдешь к нам.

Джонс бросает еще один короткий взгляд на шкаф, и все побеги и цветы исчезают. Но я знаю, что только визуально — я продолжаю чувствовать сладковатый аромат. Вот это — иллюзия.

Мне приходится постараться, чтобы вернуться в свой нормальный вид, но пара кругов по кабинету и несколько дыхательных упражнений все же мне помогают. Нет, мне все же надо раздобыть этот непонятный артефакт сохранения. Потому что я опять оказываюсь абсолютно голой, но теперь хотя бы рядом с ворохом выданной мне одежды.

— Здравствуйте! — я проскальзываю в кабинет и останавливаюсь практически у самого входа.

Взгляд Джонса тут же падает на меня. Вот зачем на меня так пялиться? Уже человек, уже в одежде, шкафы цвести больше не заставляла.

— Садись, — ректор кивает на второе кресло перед его столом. — И давай думать, что делать с тобой.

Сейчас я могу рассмотреть его лучше — он явно старше Джонса, но не столько внешне, сколько по взгляду. На нем дорогой красный камзол с золотой вышивкой, а длинные черные волосы небрежно забраны в хвост, как будто он сделал это временно, чтобы не мешали.

Я проскальзываю на указанное место рядом с Джонсом. Он поправляет белоснежные манжеты своей рубашки, и его лицо на миг становится серьезным… даже не так… Каким-то опасным. Черты лица заостряются, взгляд ощущается физически, а зрачок…

Так, стоп! Мне все показалось.

— Господин ректор, — начинаю я со своей коронной фразы, — я ничего не делала!

Он еле заметно улыбается и кивает:

— По крайней мере, намеренно и после потери памяти, я знаю. Но тем не менее вы не будете отрицать, что ситуация серьезная и требует всестороннего расследования. Все же я не могу закрыть глаза на то, что вы проникли в кабинет профессора, да еще и за ответами на экзамен.

Тут крыть нечем. Но вот расследование — это плохо! Но и придумать, что бы сейчас для меня было безопаснее всего, тоже не могу. Возвращение в лазарет? Но, кажется, Курт не нашла повода для того, чтобы оставить меня там.

— Дело в том, что я не представляю, ни как учиться, ведь я не помню вообще ничего из предметов, ни как вернуться в… — я напрягаюсь, чтобы вспомнить, как рыжий назвал то место, куда он собирался меня утащить. — Дом.

— Возможно, вы все это придумали просто из-за отношения к вам в клане? — внезапно предполагает Джонс. — Вам не кажется, что эту проблему проще решить?

Отношения в клане фееричные, конечно, не мудрено, что Джонс так подумал. Только, наверное, если бы с этим можно было легко разобраться, Кэтти уже это бы сделала. Но нет, позволяла же братцу манипулировать собой.

— Вам так хочется привлечь меня к наказанию за то, что я оказалась в вашем кабинете? — повернувшись к профессору, отвечаю я. — Конечно! Проще без суда и следствия все решить.

Вот что я несу! Какое следствие? Сейчас как начнут разбираться, так сразу поймут, что никакая я не Кэтти, что я попаданка, а, значит, надо меня того...

— Не переживайте, — вмешивается ректор. — Никто просто так вас не будет наказывать. Вам нужно сначала прийти в себя…

Я киваю, как китайский болванчик. Вот-вот! Прийти в себя, разобраться, как я сюда попала и как мне вернуть все обратно. Я готова смириться с тем, что у меня не лапки, а руки и ими можно разгрести все проблемы. Там, по крайней мере, меня никто не собирается казнить.

— …вернуться потихоньку к учебе и знакомым, — продолжает ректор, — восстановить контроль над магией…

И попытаться сидеть тише воды, ниже травы, за языком следить, больше не чихать и на братца не нарываться.

— …а поскольку вероятной причиной вашей потери памяти послужило заклинание профессора Джонса, вы переходите под его личное кураторство и… — тут ректор Ферст делает паузу, немного задумывается, а потом подытоживает. — Временно переселяетесь в его башню.

— Что?! — восклицаем мы с Джонсом одновременно.

Глава 6

Я замираю. Под его личное кураторство? В его башню? Это худшая из всех возможных шуток. Но, судя по тому, как смотрит Ферст, — это не шутка. Он складывает пальцы домиком, и его взгляд уже не кажется таким дружелюбным. В нем читается непоколебимая уверенность.

— Мое решение обосновано, — голос ректора спокоен, но заполняет собой все пространство кабинета, не оставляя места для возражений. — Вам, Кэтрин, потребуется время, чтобы научиться управлять магией, чтобы не оказаться потенциально опасной как для самой себя, так и для окружающих. Вы, конечно, забыли, но профессор Джонс — один из сильнейших магов в академии и прекрасный преподаватель. К тому же, — он переводит взгляд на Джонса, — именно его защита, по нашей версии, стала толчком для всех изменений, произошедших с вами. А значит, на нем лежит доля ответственности.

Что-то в словах ректора меня напрягает. Вроде бы он говорит очевидные вещи, ни на что не намекая, но почему-то мне кажется, что он понимает больше, чем озвучивает. Что, если… Что, если он уже догадался, что я попаданка?

Да ну нет! Если бы это было так, то какой ему резон выгораживать меня? Сдал страже короля — и нет никакой головной боли. А так он же… Поняла. Он как будто выгораживает меня: сказал даже, что шкаф — не моих рук дело. Но опять же: зачем?

Джонс, видимо, тоже задается подобными вопросами и не согласен с логикой ректора. Он встает, его движения по-прежнему плавны, но в них сквозит напряжение сжатой пружины.

— Господин ректор, это совершенно лишнее. Я могу заниматься со студенткой в установленные часы консультаций. Поселение же в моей башне…

— …является единственным способом обеспечить постоянный контроль, — невозмутимо завершает за него Ферст. — Ваша башня идеально защищена, профессор. И вы это знаете, потому что сами участвовали в формировании защиты. Любой неконтролируемый выброс магии будет немедленно локализован. Кроме того, это избавит студентку от нежелательного… давления со стороны клана, пока мы во всем разбираемся. Это не подлежит обсуждению.

Я вижу, как скулы Джонса напрягаются. Он смотрит на ректора, и между ними пробегает немой диалог, полный скрытых смыслов, которые я не в силах расшифровать. Но итог очевиден.

Сижу и не знаю, что хуже: поселиться в доме клана, где меня поджидает злой рыжий, или жить под одной крышей с Джонсом, который считает меня назойливой мошкой, устроившей ему проблемы. В одном месте меня будут постоянно доставать, а в другом — пристально следить. Я же так долго не протяну! Особенно если чихать буду.

И потом… Как под постоянным присмотром найти хоть какую-то полезную информацию? А мне просто жизненно необходимо разобраться, что произошло и как вернуть все обратно.

— Кэтти, — голос ректора возвращает меня в реальность. — Ступайте в дом вашего клана, соберите свои вещи. Особенно артефакт сохранения не забудьте. Профессор Джонс будет ждать вас у входа в академический парк через час. Постарайтесь ни с кем не вступать в конфликты.

“Постарайтесь”. Легко сказать.

Джонс выходит первым, покачав головой ректору, как будто говоря: “Не ожидал от тебя такой подставы!” А меня Ферст останавливает на пороге.

— Кэтти! — зовет он, переходя на неформальное обращение. — Тебе нужно пройти налево от башни, до самой стены, там по аллее до самого конца. Трехэтажный особняк из черного камня с рыжим флагом на крыше. Там, — ректор заглядывает в документы, лежа-

щие перед ним, — чердачная комната. Она одна, не ошибешься. Она должна открыться, но дальше везде нужен будет артефакт сохранения, он у тебя как студенческий кристалл. И еще раз: постарайся никуда не влипнуть.

Я вроде киваю, а вроде понимаю, что обещать не могу. У меня, можно сказать, черный пояс по влипанию везде и всюду.

Дорога до мрачного, но внушительного здания с гербом в виде свирепого льва на воротах кажется слишком короткой. Дом действительно находится быстро по тем указаниям, что дал ректор. Да и внутрь я попадаю легко.

Про уют в этом доме клана, наверное, не слышали: коридоры, выложенные темным камнем, небольшие окна и поэтому весьма слабое освещение. Как будто я попала в логово к чернокнижникам, а не в убежище оборотней-львов.

Я поднимаюсь по узкой винтовой лестнице на самый верх и без проблем нахожу единственную дверь, маленькую и хлипкую. Я толкаю ее, даже не сомневаясь, что это оно.

Сама комната тоже, скорее, достойна звания чулана. Крохотное окошко под потолком, узкая кровать, комод, одежда, небрежно брошенная поверх покрывала, и вешалка для платьев с тусклым напольным зеркалом. Все, что было у Кэтти.

Из зеркала на меня смотрит худая — еще чуть-чуть и было бы слишком — большеглазая девушка с длинными рыжими волосами, среди которых затерялись белые прядки. Лет семнадцать бы дала с такой внешностью, но если у Кэтти должен был быть выпускной экзамен, то явно больше.

И вот на это несчастное создание Вернон решил спустить свой гнев? Грусть и злость копошатся где-то глубоко внутри, но мне некогда им предаваться.

Я нахожу под кроватью скромный чемоданчик из прочной, но весьма потертой ткани, и начинаю механически складывать в него немногие личные вещи: пару платьев, видимо, форменных, несколько книг, странный деревянный гребень и, кажется, то, что мне надо — небольшой кулон с оранжевым камнем внутри.

Дверь с треском распахивается.

— А, вот ты где! Где ты шлялась? Мне нужно, чтобы ты…

На пороге — девушка в роскошном платье цвета спелой вишни, с капризно поджатыми губами и высокомерным взглядом. Еще одна из верхушки клана?

— …чтобы ты помогла мне подобрать украшения к ужину. И потом отнесешь доклад, который ты должна была за меня сделать, преподавателю.

Она говорит приказами, привычно бросая взгляд поверх моей головы, ожидая немедленного повиновения.

Кем же ты была, Кэтти, что к тебе так относились? Почему ты это позволяла?

Внутри у меня все закипает. После всех этих превращений, угроз “брата” и внезапной магии, это — последняя капля. Я медленно выпрямляюсь, защелкиваю замочек на чемодане и смотрю на незваную гостью прямо.

— Подбери сама. И доклад пиши сама и относи. У меня распоряжение ректора.

Ее глаза округляются от изумления. Она даже моргнуть не может несколько секунд.

— Ты… Ты что это себе позволяешь? Я сейчас Вернону скажу!

— Скажи, — пожимаю я плечами. — Не можешь сама домашку сделать? Ручка отвалится доклад написать? Или мозгов не хватит? Да ты гордость твоего клана, не иначе!

Она алеет, потом бледнеет. Мои слова бьют точно в цель, в ее спесь и неуверенность, тщательно скрываемую под маской высокомерия.

— Да ты…

— Я, — улыбаюсь и, развернувшись, прохожу мимо нее, оставляя стоять с открытым ртом посреди полумрака коридора.

Сердце колотится. Ректор просил не вляпываться никуда. Ну… я и не вляпывалась. Но не должна же была я молчать в тряпочку?

Я уже выхожу на аллею, в конце которой меня должен встретить Джонс, когда сбоку на меня налетает тень.

— Кэтти! Кэтти, подожди!

Я вздрагиваю и, честно говоря, моим первым желанием оказывается сбежать.

Ко мне подлетает всклокоченный темноволосый парень, на вид чуть старше меня. Его глаза расширены от ужаса, в них читается паника и неподдельное отчаяние.

— Это я во всем виноват! — он почти кричит, хватая меня за рукав. — Это все из-за меня!

Глава 7

Сглатываю и аккуратненько так высвобождаю руку из его цепких пальцев.

— Что? Из-за тебя? — выдавливаю из себя я, стараясь понять, чего же мне ждать от этого странного типа.

— Ты потеряла память, — печально и с видом глубокого раскаяния произносит парень.

— Эм… — очень глубокомысленно изрекаю я, а потом уточняю: — Как ты правильно заметил, память я потеряла. Поэтому давай начнем с самого начала. Ты кто?

Прозвучало, конечно, грубовато, но скоро должен подойти Джонс, а парень явно обладает нужной мне частичкой информации, поэтому я не готова отказываться от возможности узнать больше о жизни Кэтти.

— Лео, — говорит он. — Твой… друг.

Друг? Когда кто-то с таким сомнением говорит, что он друг, это всегда вызывает подозрение.

— Ага, — киваю я. — С привилегиями?

— Что? — теперь его очередь удивленно поднимать брови. — Да! В смысле нет!

Он нервничает и немного суетится, оглядывается по сторонам, а потом берет меня за руку и оттаскивает чуть дальше к кустам, где, понизив голос, бормочет.

— Тот артефакт, помнишь? Я не знаю как, но он активировался у меня в руках, вспыхнул, — быстро-быстро говорит Лео. — А потом я узнал, что ты в лазарете. Хотел прийти к тебе, но сказали, что никого не пускают.

— Вернона вон вполне пустили, — ворчу я. — Но артефакт не помню.

Парень вздыхает, чешет затылок и все же понимает, что мне надо все с самого начала и подробно.

— Ты хотела выйти из клана, — объясняет мне на пальцах Лео. — Но это можно сделать двумя способами. И поскольку первый тебя не очень устраивал, то я предложил второй — артефакт разрыва кровной связи. У отца нашел в коллекции.

— А… М… — понятливо киваю я. — Конечно, древний артефакт с неизвестным действием, но говорящим названием, — самый гениальный выход из ситуации.

Мне кажется, в этот момент у меня очень красноречивое выражение лица, но Лео не понимает сарказма в моем голосе.

— Ну ты так и сказала. Мы прочитали про похожие артефакты, капнули на него твоей кровью, но ничего не произошло, — продолжает он. — А вчера…

— А вчера вдруг бах! — и сработало.

— Как думаешь, связь разорвалась? Или я только… Прости меня, пожалуйста! Я всегда готов пойти по первому пути, ты же знаешь. Как же я волновался, Кэтти!

Лео внезапно сгребает меня в охапку, и я не успеваю даже спросить, что там за первый путь такой, когда рядом раздается недовольный голос Джонса:

— Кажется, студентка Уоткинс, вы начали что-то, точнее, кого-то вспоминать? Может, моя помощь вам тоже уже не нужна? Так пойдемте, скажем об этом ректору.

Лео буквально отскакивает от меня, в ужасе глядя на Джонса. Ну какой из него “Лео”, так, котеночек… Хотя, может, он и не оборотень даже.

— Нет, профессор Джонс, я не вспомнила, — отвечаю я на претензию. — Но для меня же лучше, когда мне пытаются хотя бы объяснить, кто я и с кем была знакома, а не просто обвиняют во всех грехах.

Судя по тому, как блеснули глаза преподавателя, намек он понял. А если учесть, как дернулся уголок его рта — запомнил. То есть мне точно этот выпад еще припомнят, значит, надо быть начеку.

— Следуй за мной.

Мы с Джонсом уходим к его башне, а Лео долго смотрит нам вслед, как будто хочет что-то сказать. А все, уже поздно, надо было раньше рассказывать, а не с объятиями лезть.

Дорогу я стараюсь запомнить со всей внимательностью, которая есть во мне, но, честно говоря, получается плохо. Потому что аллеи все похожи одна на другую, а поворотов я насчитываю штук семь.

И это дерево я уже видела. Дважды. Черт.

Глянув на Джонса и заметив его довольный вид, внезапно осознаю: он намеренно водит меня кругами. Проверяет?

— Вы считаете, что я глупая или что я врунья? — спрашиваю откровенно я.

— Решил просто так не обвинять, — невозмутимо отвечает он, и уже после следующего поворота мы выходим из парка практически у самой башни.

Подъем по винтовой лестнице оказывается еще бóльшим испытанием, чем спуск. Мало того голова кружится, так еще и задыхаешься, как будто бежал многокилометровый марафон.

Но, насколько я понимаю, мы поднимаемся не на самый верх. На предпоследнем этаже Джонс, которому подъем хоть бы хны, легко толкает деревянную дверь, и передо мной открывается светлая просторная комната с двумя окнами на северную и южную стороны и двумя дверями.

В углу расположен открытый камин с опять же двумя креслами с обивкой из зеленого бархата перед ним. Темный паркетный пол идеально отполирован, и в нем наверняка по вечерам красиво отражаются огни от бра со странными светильниками. Уютненько.

— Это жилой этаж, — объясняет преподаватель. — За правой дверью моя комната. Соответственно за левой будет ваша. Но… — тут он переводит взгляд на меня. — Я не был готов к приему гостей, так что вам придется там убраться.

Джонс так смотрит на меня, как будто только и ждет, что я откажусь или выкину что-то подобное. Я пожимаю плечами и открываю левую дверь и оказываюсь во вполне комфортной комнате. Кровать, стол, комод и непонятная дверь в дальней стене. Все сдержанно, аккуратно и всего лишь немного пыльно.

— Хорошо, — отвечаю я. — Ведро с водой и тряпки же есть? Метлу я у вас в комнате видела. Цветущую такую, мне подойдет.

По долгому молчанию преподавателя я понимаю, что удивить я его смогла. Хотя сама не знаю чем.

Джонс щелкает пальцами, и как будто из воздуха материализуется и ведро, и тряпка, и… Нет, метлы нет.

— Метлу не дам, она дорога мне как память. Уникальна буквально, — говорит преподаватель. — Думаю, это прекрасный повод начать вспоминать магию. Основы бытовой магии — один из базовых курсов вашей специальности.

Он показывает какое-то движение пальцев и произносит непонятное слово, и тряпка сама ныряет в ведро, отжимается и легким летящим движением проходится по столу и комоду, собирая пыль.

— Теперь вы, — кивает Джонс, когда тряпка возвращается в ведро.

Жизнь меня к такому не готовила! Я обхожу ведро, неуверенно заглядывая внутрь, как будто надеясь, что моего взгляда будет достаточно. Но нет, надо как-то повторить за преподавателем.

Он, словно понимая, что я без помощи дуб дубом, медленно делает то же самое движение. Я складываю пальцы, как он показывает, припоминаю его слова и… произношу, как услышала.

Видимо, услышала я неправильно, потому что глаза Джонса округляются, когда вся вода из ведра поднимается вместе с тряпкой и летит прямо на удивленного преподавателя…

Глава 8

Все происходит как в замедленной съемке: его глаза расширяются, руки начинают подниматься в защитном жесте, пальцы складываются в какой-то сложный пасс. Я понимаю, что он собирается отвести воду от себя, но... слишком поздно.

В попытке спасти Джонса от намокания я срываюсь с места, бросаюсь вперед и с разбегу сбиваю его с ног. Только краем глаза замечаю, что шар воды уже застыл прямо в воздухе, а мы вместе с преподавателем падаем на пол.

Похоже, это и оказывается основной моей ошибкой, потому что в этот же момент весь водяной поток отмирает и обрушивается на нас, окатывая с головы до ног.

Неловко. Я сверху, он подо мной, оба абсолютно мокрые.

Тишина. Капли стекают по нашим лицам, его волосы прилипли ко лбу, моя рыжая грива, кажется, впитала половину воды. Мы оба тяжело дышим — он от неожиданности, я от своего геройского броска.

— Что. Это. Сейчас. Было? — голос Джонса звучит приглушенно и напряженно в то время, как я, уткнувшись носом в его шею, вдыхаю мужской аромат можжевельника с горьковатой ноткой выделанной кожи.

Он пахнет преступно хорошо. И мне не стоило бы об этом сейчас думать, но не получается: обо всем остальном думать просто страшно. Я даже жалею, что прямо сейчас в кошку не превратилась снова.

Я с трудом отлепляюсь от Джонса, опираюсь руками по обе стороны от его головы, и невольно ощущаю твердость его тела подо мной. Через промокшую рубашку отчетливо проступают очертания мускулистой груди. Я никогда не была поклонницей накачанных парней, но это... это впечатляет.

Возможно, мне просто не встречались такие.

— Я... помочь хотела, — выдавливаю из себя, чувствуя, как краснею. — Испугалась, что вы промокнете.

Джонс хмыкает, и мне кажется, я вижу проблеск удивления в его глазах:

— Поэтому решили сбить меня с ног и окатить нас обоих? Блестящий план, студентка Уоткинс.

— Я ничего не делала! — вырывается у меня привычная фраза, но теперь она звучит совсем жалко.

— Разумеется, — он поднимает бровь. — Всего лишь перепутали заклинание.

Мы все еще в крайне неудобном положении. Я чувствую, как его дыхание касается моего лица, и это вызывает странное тепло где-то в груди. Должно быть, от смущения. Кажется, я опять краснею.

— Если вы закончили изучать... — он указывает взглядом на свое тело, от которого я еле отвожу взгляд, его голос внезапно становится низким, с хрипотцой. — Возможно, вы позволите мне встать?

Я подскакиваю как ужаленная, чуть не поскользнувшись на мокром полу. Джонс поднимается одним плавным движением, будто вовсе не промок до нитки. Вода стекает по его скулам, очерчивая их острые линии.

— Простите, — бормочу я, пытаясь стряхнуть с себя стекающие на пол капли.

Он проводит рукой по волосам, зачесывая их назад, и тяжело вздыхает:

— Первый урок магии: никогда не произносите заклинания, если не уверены в правильности формулировки. Вы использовали командную форму вместо направляющей. “Аквринус” вместо “Аквариум”. К тому же влили в него избыточное количество силы.

— А есть разница? — я пытаюсь выжать рукав, но это безнадежно.

— Существенная, — Джонс морщится, глядя на лужу под нами. — Одно заклинание просто перемещает предмет, другое швыряет его с силой. Вы практически создали водяной таран.

Его пальцы двигаются в воздухе, и я чувствую, как по телу проходит теплая волна. Одежда начинает высыхать, хотя не полностью — волосы все еще влажные.

— Спасибо, — тихо говорю я, чувствуя странную неловкость.

— Не за что благодарить, — отрезает он. — Просто не хочу, чтобы вы заболели и создали еще больше проблем.

Джонс снова вздыхает, проводя рукой по лицу:

— Уберитесь здесь без использования магии, приведите себя в порядок. И я жду вас у себя в кабинете. Туда, я надеюсь, вы дорогу помните.

Он уходит, я слышу, как захлопывается за ним дверь, и только теперь вспоминаю, что не спросила — а где новую воду-то взять?

Поэтому мне приходится самой инспектировать вверенные мне территории. За дверью в дальней стене оказывается ни много ни мало самый настоящий совмещенный санузел! Даже с душевой кабиной!

О таком в мире, который по общим признакам больше похож на наш восемнадцатый — девятнадцатый век, я даже не мечтала. Зато теперь мечтаю о том, как зайду в душ и постараюсь смыть с себя ощущение опрокинутого ведра.

А главное что? Главное, чтобы горячая вода была.

Я наполняю ведро и возвращаюсь в комнату, где вытираю все поверхности, вытрясаю пыльные покрывала, одеяла и подушки. А потом раскладываю свой небогатый скарб по местам.

— Ну что, мой новый дивный мир, может, все же будем дружить? — говорю вслух я, выглядывая в окно.

— Я не мир, но тоже дивный. И буду рад дружить, — слышу я из-за спины немного скрипучий голос.

Все волосы на теле встают дыбом.

Глава 9

Медленно оборачиваюсь, готовая увидеть что угодно – от призрака до демона. Но у окна никого нет. Сердце колотится как бешеное, и я прижимаю руку к груди.

— Здесь, глупенькая, — снова раздается тот же скрипучий голос, и я опускаю взгляд.

Вижу на подоконнике полупрозрачную фигуру, мерцающую в солнечном свете. Существо размером с ладонь напоминает силуэт девушки с длинными синими волосами, сотканный из дымки и тумана.

— Ты всегда так подкрадываешься к людям? — выдыхаю я.

Ее очертания кажутся немного расплывчатыми и переливаются серебристыми и голубыми искрами. Девушка откашливается и произносит уже более мягким голосом:

— Прости, так давно ни с кем не болтала, что скоро вообще как несмазанные петли звучать буду, — говорит она. — Я Мист, личный дух-хранитель профессора Джонса.

Я моргаю несколько раз, пытаясь осознать происходящее. Туманный дух. Который разговаривает. И существует.

— Ты... что? — выдавливаю я, осторожно приближаясь к окну. — Точнее, кто?

— Хранитель, — терпеливо повторяет Мист, ее силуэт колеблется, как отражение на воде. — Оберегаю, подсказываю, иногда выполняю поручения. А ты новенькая. И странная.

Она подплывает ближе, и я чувствую легкое прикосновение прохлады к своему лицу.

— Чем это я странная? — настораживаюсь я.

— От тебя магия странно пахнет, — Мист кружится вокруг меня, ее голос звучит с едва уловимым эхом. — Совсем не как у местных. И аура дрожит, как отражение луны в неспокойной воде. А еще ты очень интересная. Обычные студенты от одного взгляда профессора цепенеют, а ты его с ног сбила. И водой окатила. Великолепно!

От этих слов мне снова становится жарко. Я отвожу взгляд.

— Я ничего не делала.

— Это еще лучше! — заливисто смеется Мист. — Он такой... серьезный. Всегда. А тут ты. И его контроль тает на глазах. Он даже не стал тебя отчитывать как следует. Для него это неслыханно.

— Он просто в шоке от такой наглости, — бормочу я.

Я бы тоже была в шоке. А еще была бы зла и готовила изощренный план мести.

— О, нет! — дух загадочно подмигивает. — Я рядом с ним уже... очень давно. С тех пор как он был мальчишкой. Я знаю его как облупленного. Ведь он... — она вдруг замолкает, веселое выражение лица сменяется настороженным. — Кхм...

Сболтнула лишнее? Не только у меня здесь есть тайны?

— Ты хочешь сказать, что он не просто профессор? — осторожно спрашиваю я.

Мист исчезает, а потом появляется снова.

— Просто... веди себя хорошо. Или плохо. С ним плохое поведение, кажется, работает лучше, — она замолкает и прислушивается к чему-то. — Зови, если будет скучно!

И прежде чем я успеваю что-то сказать, дух растворяется в воздухе, словно его и не было. Остается лишь легкий запах свежего ветра и влажного леса.

Мысленно переваривая странный разговор, я направляюсь в кабинет Джонса. Дверь приоткрыта. Стучу и, не услышав ответа, вхожу.

Джонс ждет меня, сидя в кресле у камина. Он переоделся в сухую рубашку и темные брюки, волосы уже почти высохли. Выглядит собранным и немного раздраженным.

— Надеюсь, вы не устроили потоп в коридоре? — его голос низкий, он будто обволакивает.

— Ограничилось одной комнатой, — отвечаю я, стараясь звучать уверенно.

Про появление Мист предпочитаю пока умолчать.

— Присаживайтесь, — преподаватель указывает на второе кресло. — У нас много работы.

Я тихо опускаюсь, готовясь к выволочке. Но вместо этого Джонс достает из кармана небольшой блокнот и начинает писать.

— Вот примерный план нашей работы, — он протягивает мне лист. — Основы контроля над магией, базовые бытовые заклинания, практика трансформации... Последнее особенно важно, учитывая ваши... спонтанные превращения.

Я смотрю на длинный список и понимаю, что либо мне нужно быть гением, либо…

— Насколько я понимаю, у меня должен быть экзамен в скором времени. Но я же… Если я не успею вернуть к нему память, что со мной будет?

И это я еще не упоминаю о том, что будет, если кто-то узнает, что я попаданка.

Джонс смотрит на меня долгим изучающим взглядом, от которого почему-то становится неуютно.

— Вероятнее всего, тогда вашим вопросом будет заниматься клан, — говорит он, а я замечаю, как его пальцы сжимаются на подлокотнике. — Но… Мы с ректором еще обсудим этот вопрос.

— Зачем это вам?

Вопрос вырывается быстрее, чем я успеваю подумать. Но Джонс тут же переводит тему:

— Я вижу, вы нашли свой артефакт сохранения, — он кивает на кулон на моей груди.

— Д-да, — отвечаю я, озадаченная тем, как он ушел от ответа. — Что мне с ним делать?

— Не снимать, — сверкнув глазами, произносит Джонс. — Он сохраняет ваши вещи при трансформации и возвращает их при обратном превращении. Без него вы… будете терять свою одежду после каждого превращения.

Его взгляд пробегается по моему телу, и на миг мне кажется, что мы снова вернулись в момент, когда я оказалась голышом на нем. Щеки вспыхивают пожаром.

— А… Оу… — многозначительно выдаю я.

— А теперь на обед, — Джонс отворачивается. — Выйти из башни и налево до арки. Через арку во внутренний двор. Одноэтажное здание между двумя учебными корпусами.

Я зависаю. Дайте мне навигатор по этой запутанной академии уже! Ладно, не тащить же мне Джонса с собой. Надо будет — спрошу.

До столовой я добираюсь все же быстро, хотя пару раз захожу в странные тупики, где студенты… кхм. Нет, ничего сильно неприличного, но уединение я нарушаю.

А так все правильно — должны быть такие укромные уголки, где парочки могут остаться наедине. Но запомнить надо, что лучше ходить людными тропами: теперь я замечаю, что многие идут на обед.

И действительно, я наконец оказываюсь в потоке студентов, которые стекаются к большому одноэтажному зданию с большими окнами. Там все заходящие касаются какого-то артефакта на стене штучками, похожими на значки, и для них зажигаются в воздухе стрелочки, указывающие на предназначенное им место.

Я в вещах Кэтти подобного не находила, но мой артефакт сохранения выглядит почти так же, как эти штучки, поэтому я решаю попробовать. И испытываю что-то сродни гордости, когда моя догадка оказывается верной.

Только вот место, выделенное мне, заставляет скрипнуть зубами от раздражения. Стол, за которым сидят Вернон, та самая блондинка, которую я, можно сказать, послала в доме оборотней, и, похоже, все остальные члены нашего “потрясающего” клана.

— Ох, смотрите, кто к нам пришел, — с язвительной улыбкой произносит блондинка. — Неужели драконья подстилка?

Она кивает девушке, что сидит по правую сторону от того места, на которое указывала моя стрелка. Та делает одно небрежное движение и скидывает со стола поднос с моей едой.

— Безродная кошка должна жрать с пола, — выносит свой “вердикт” Вернон.

Глава 10

Я замираю и смотрю на то, как по полу растекается суп, на осколки тарелок и оранжевое пятно апельсинового сока. Как же жалко! Люблю я его. А еще… мне на глаза попадаются несколько кусочков сыра.

И в этот момент меня накрывает. Видимо, мы с Кэтти оказываемся очень похожи в любви к сыру, потому что тело реагирует ровно так же, как это было бы в моем настоящем теле. Яростью. За сыр душу продам — а тут его на пол скинули!

Поднимаю взгляд на тех, кто все еще ехидно улыбается, глядя на меня, но уже явно начинает понимать, что не все так просто.

Вполне логично, что они ждут от меня или смирения, или слез, или истерики. А вот дырку им от бублика! Потому что ярость выжигает меня изнутри ледяным дыханием, а вовсе не пышет огнем.

— Какая трогательная забота о гигиене питания, — начинаю я медленно, не собираясь устраивать концерт по заявкам. — Я, конечно, понимаю, Вернон. После того как твои мозги окончательно переродились в мышечную ткань, даже жевать для тебя — сложносочиненная задача. Но тебе не кажется, что это как-то… Не очень хорошо скажется на твоем авторитете?

Кажется, кто-то рядом со мной мяукнул. Да мои ж вы киски…

— Какого Ярхаша! — вилка в руках моего братца сгибается, а сам Вернон наливается краской как помидор.

— Ты!.. Ты безродная шавка! — восклицает блондиночка.

— Ну… Зато у меня есть я, мое чувство достоинства и мозги, — парирую я, переведя на нее свой взгляд. — А ты рот-то закрой, тепло не трать. Судя по тому, как ты цепляешься за чужое имя и чужой статус, у тебя с родословной не все в порядке. Настоящая львица не будет выделываться перед безродной кошкой. Так, может, пора задуматься над вопросом, кто же ты?

Я делаю паузу, дав своим словам повиснуть в воздухе. Не только за нашим столиком, но и во всей столовой стоит гробовая тишина. Вернон поднимается, чтобы, похоже, найти другие методы воздействия на меня, кроме прямого унижения, но тут же садится.

Каждый за столом смотрит мне за спину. И в этот миг я точно осознаю, кто там, по очень узнаваемому аромату.

— Какие-то проблемы, студентка Уоткинс? — спрашивает Джонс.

— Нет, профессор, — отвечаю я, пристально глядя в глаза братцу и давая понять, что я-то прикрою, но малейшее его неправильное слово — и моя благосклонность повернется на сто восемьдесят градусов. — Произошла нелепая случайность, и вся моя еда, к сожалению, оказалась на полу.

— Приберитесь, — отдает указание Джонс, но не мне — клану. — Студентка Уоткинс, по распоряжению ректора ваш рацион также будет пересмотрен. Сегодня вы обедаете за резервным столом, далее будете следовать указанию кристалла.

Боковым зрением вижу, как Вернон приказывает той самой девчонке, что опрокинула мой поднос, его же и убрать. Это называется бумеранг.

Обед на удивление оказывается вкусным — гораздо лучше столовской еды в нашем универе. Хотя тогда голодные студенты готовы были мести все подряд, а наши желудки могли переварить хоть что.

Особенно сыр. И здесь он, я хочу сказать, отменный. Я даже жалею, что не могу достать еще, чтобы взять с собой.

Когда Джонс усадил меня за “резервный стол”, он предупредил, что после столовой меня сразу ждут в оранжерее. Ни кто ждет, ни зачем — мне непонятно. Но учитывая тот шкаф, который зацвел… В оранжерее это хотя бы не будет так странно.

Пока иду по территории академии, внимательнее рассматриваю все то, что творится вокруг. Разные цвета формы, но общий ее покрой, что примерно уравнивает всех по внешнему виду, хотя у тех, что побогаче, есть украшения и интересные сумки. Девушки почти все с маленькими животными, но парочку с большими я тоже встречаю.

Многочисленные корпуса, но можно легко определить, где жилые, а где — учебные. Интересные дополнительные постройки вроде той же самой оранжереи и астрономической башни.

В целом я бы пару дней здесь просто с экскурсией походила, чтобы все запомнить и рассмотреть. Но… Но.

— Здравствуй, Кэтти, — меня еще на входе встречает статная светловолосая женщина с очень приветливой улыбкой. — Меня зовут Алессандра Ферст, я декан факультета травологии.

Ферст… Это как у ректора? Она что, его…

— Да, я его супруга, — Алессандра улыбается еще шире, но не смущается ни грамма. — Но я знаю, что ты все забыла, поэтому мы, пожалуй, начнем с самого начала. А еще чуть-чуть поэкспериментируем. Проходи на первый ряд.

Я спускаюсь за ней к центру небольшого амфитеатра, где расположен преподавательский стол. А повсюду — растения, растеньица, растеньюшечки, растеньища… Ну и все в этом духе, да. Кажется, одно даже думает меня укусить, но Алессандра шикает на него, и оно сникает.

— Итак, давай проговорим, что ты уже знаешь? — преподавательница устраивается напротив меня и складывает руки в замок.

Я выдаю ту краткую информацию, что я уже успела понять про то, что скоро экзамены, что я в клане львов, похоже, паршивая овца, что я не помню никаких ни заклинаний, ни плетений, ну и закончила тем, как заставила зацвести шкаф.

Алессандра кивает и серьезно смотрит на свои руки, даже не на меня.

— Да. Эриан сообщил о том досадном недоразумении. Даже пригласил посмотреть. Но… Мне понравилось, — посмеивается она. — То есть ты не помнишь и того, что в тебе половина от эльфов? Которая спала. А теперь вот решила проявиться.

Качаю головой. Вот уж чего не знала, того не знала. Даже невольно трогаю свои уши — вроде же были обычные, не как у профессора Курт.

От Алессандры не утаивается это мое действие, я вижу, как у нее дергается уголок рта.

— И не помнишь, что у оборотней нет фамильяров? — продолжает вопросы она.

Снова качаю головой.

— А базовые законы использования магии?

— Нет.

— А кто у нас сейчас король?

— Нет.

— А сколько планет в Солнечной системе?

— Восемь! — выпаливаю я, радуясь, что хоть что-то знаю.

А потом резко хлопаю себя ладонью по рту. Где, блин?

Глава 11

Вот… дурочка. Проколоться так глупо в то время, когда должна была быть все время начеку! Меня подставили детсадовские знания о Солнечной системе!

О… Стоп. Я-то понятно, откуда это знаю. Верю, что здесь есть солнце. Но сильно сомневаюсь, что в этом мире есть система планет… Но ведь это значит, что…

— Вижу, ты все поняла, и мне не придется произносить это вслух, — с улыбкой замечает Алессандра.

Видимо, на моем лице проявляется смесь всех эмоций, что смерчем раскручиваются внутри меня. От простого “офигеть” до “мама, мы все умрем”.

— А ректор…

— Да, — кивает преподавательница. — Потому и попросил взять тебя под свое крыло. А вот Джонс — нет. И с ним тебе нужно быть особенно осторожной. Ну, по крайней мере, до поры до времени.

— Сомневаюсь, что такое время когда-то наступит, — произношу я. — Но… Если ректор знает про то, что мне опасно рядом с Джонсом, зачем он меня перевел к нему в башню?

Она пожимает плечами, но делает это так загадочно, что я начинаю подозревать, что она знает больше, чем говорит.

— Он всегда что-то делает со своими целями, но не всегда ими делится. Но мое дело тебя предупредить, Кэтти, — говорит Алессандра.

— А есть тут кто-то еще? Такой же, как мы? — не знаю, к чему мне это, но теперь, когда я понимаю, что все не совсем печально, как я думала до этого, мне легче.

— Я знаю только про одну девушку. Она появилась тут еще до меня, но Эриан и ей помог, — преподавательница с такой теплой улыбкой говорит и об этой попаданке, и о ректоре, что мне невольно хочется поближе с ними познакомиться.

— И неужели никто не хотел вернуться обратно? Или… просто нет способа? — задаю я мучающий меня вопрос.

— Да обе мы хотели, — признается Алессандра.

— Значит, нельзя было?

— Почему же, можно, — вздыхает она. — Мы передумали.

— То есть и сейчас можно? А давайте… Давайте вы отправите меня обратно? — я подаюсь вперед в надежде, что вот-вот все мои проблемы решатся.

Алессандра молчит, как будто что-то просчитывает в голове, а потом с сожалением говорит:

— Дело в том, что у нас немного разные случаи. Мы попали из-за глупого, неправильно использованного заклинания наших предшественниц. А вот ты…

— А я из-за какого-то артефакта! Если надо, я найду этого… М… А, вспомнила! Лео! Найду его и заставлю мне отдать этот артефакт мне, — с жаром говорю я.

Преподавательница качает головой:

— Нет, это разное. Если вы с Джонсом, конечно, не трогали одновременно этот артефакт.

Разочарованно откидываюсь на спинку стула и поджимаю губы. Нет, Джонса вообще не было в кабинете, когда я увидела впервые свои лапки. Красивые, кстати, пушистые лапки. Сама бы затискала…

— Не расстраивайся так. Это всего лишь значит, что мы будем искать информацию, — успокаивает меня Алессандра. — Но пока что ты должна постараться сохранить свою тайну как можно дольше. А это значит, что тебе надо сосредоточиться на контроле своей силы, научиться беспроблемно превращаться и… держаться подальше от клана. Иначе тебя быстро вычислят.

У меня вырывается нервный смешок.

— Я была бы только рада, если бы они держались подальше от меня. К тому же… Я же вообще ни бум-бум с магией! С утра вон уже успела Джонса водой окатить.

Алессандра искренне смеется:

— Если ты все еще жива и даже не под дисциплинарным наказанием, не все потеряно. Но вернемся к нашим баранам, — она становится серьезной. — С этого дня ты учишься у меня на факультете Травологии и Зельеварения, тут твои эльфийские возможности не так будут бросаться в глаза. Все вопросы решать только через меня. Плюс мы постараемся организовать тебе год отсрочки от экзаменов, потому как смена специальности на последнем курсе это предполагает. Но…

Преподавательница не договаривает, но я и так это понимаю. Клан. Из клана мне просто так не выбраться — я вроде как их ходячая собственность. А у главы на меня, то есть на Кэтти, явно какие-то планы.

— Ты будешь посещать у меня на факультете практики по основам, с Курт разберешься со своей эльфийской природой, а с Джонсом… С ним просто постарайся контролировать магию, а он преподаватель хороший, сам поймет, что тебе нужно.

— А сейчас?

— Сейчас, пока Курт немного занята, я попробую проверить границы твоих возможностей.

Мы занимаемся около часа. Алессандра дает задания, начиная от простого “зажечь плетением лист бумаги” — я чуть не сожгла весь рабочий стол преподавателя — до “заставить прорасти семечко” — тут, как говорится, хорошо, что не джунгли.

В итоге она пишет что-то к себе в блокнот и отпускает меня на мое первое в этом мире занятие.

Глава 12

Иду я, иду… И понимаю, что явно не туда. Дорога казалась понятной, пока я шла по улице и ориентировалась на разные здания и преимущественно на большие часы ректорской башни.

Но как только я оказываюсь в корпусе, фраза “на третьем этаже малая практическая аудитория” становится просто пустым звуком. Потому что тут три лестницы, и у каждой — свой третий этаж!

Студенты снуют туда-сюда, кто-то спешит на занятия, кто-то просто болтает небольшими группками на ступенях. Останавливаю первого же встреченного парня с копной вьющихся волос и стопкой книг под мышкой.

— Привет! Скажи, где малая практическая аудитория?

Он бросает на меня рассеянный взгляд:

— Третий этаж? Вон по той лестнице, потом направо, потом через переход, и там налево.

Благодарю и следую указаниям. Поднимаюсь по указанной лестнице, нахожу переход... но налево там тупик с окном, выходящим во внутренний двор. Точно не аудитория. Ни практическая, ни теоретическая.

— Отлично, — бормочу себе под нос.

Возвращаюсь к изначальной точке и на этот раз спрашиваю у девушки с короткими рыжими волосами.

— А, это в западном крыле. Тебе нужно вернуться вниз, пройти через главный холл и подняться по правой лестнице.

Хорошо. Спускаюсь, иду через холл, поднимаюсь по правой лестнице... и оказываюсь в коридоре, который выглядит точно так же, как тот, до которого я дошла в прошлый раз. Как такое может быть вообще?

Снова спускаюсь на первый этаж и останавливаюсь возле группы студентов, оживленно обсуждающих что-то между собой.

— Никто не знает, где малая практическая аудитория?

— Западное крыло, третий этаж, — говорит один из парней, высокий блондин с насмешливым взглядом.

— Я уже там была! — не выдерживаю я. — Три раза! Но там нет аудитории!

— Так ты, наверное, через северный переход шла? — спрашивает девушка. — А тебе надо через западный! По коридору до конца, там в арку с гербом. Через нее и дальше прямо, — объясняет она.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не плюнуть и пойти спать. Тут десять тысяч шагов только в поисках аудитории находить можно! Магический мир, а не придумали никаких магических путеводителей.

Или, что вероятнее, мне о них не сказали…

Иду по указанному маршруту. Нахожу арку с гербом — на нем изображен грифон. Прохожу через нее, иду прямо... и упираюсь в дверь с табличкой “Склад потерянных вещей”. Серьезно?!

— Эй! Ты чего тут забыла? Потерялась? — передо мной возникает Мист.

— Знаешь, мне кажется, что если кто-то решит сбежать из академии, у него просто это не получится чисто из-за того, что он только и будет делать, что ходить кругами! — развожу руками я. — Я уже наверняка десять раз опоздала на занятие, а все никак не пойму…

— Куда ты делась, мелкая негодница? — мои возмущения перебивает голос Джонса.

— Я? — удивленно ахаю, не ожидая увидеть преподавателя в этом тупике “потерянных вещей”.

Оглядываюсь в поисках Мист, но ее нигде нет. Хулиганка!

— Не вы, конечно, — Джонс раздраженно морщится и смотрит по сторонам, похоже, тоже в поисках своего Хранителя. — Нет, такая маленькая, полупрозрачная заноза в за… — тут до него доходит, что он разговаривает со мной, поэтому одергивает себя и возвращает себе привычный собранный вид. — Студентка Уоткинс, вы заблудились?

— Нет, — автоматически отвечаю я, но тут же понимаю, как глупо это звучит. — То есть... возможно, немного.

Уголок его рта дергается в подозрительно похожем на усмешку движении:

— Немного? И это говорите вы, стоя в этом месте, явно далеком от любых аудиторий?

— Ну что вы от меня хотите? Признания? Что я не знаю, куда идти? Да в этой вашей академии сам че… черный кот заблудится! — чуть не проговариваюсь я, потому что меня просто захлестывает досада и раздражение.

— При чем здесь черный кот? — Джонс удивленно наклоняет голову набок.

— А вы разве не знали, что именно у черных котов самые лучшие навигационные навыки? Они буквально вшиты в их подкорку, — продолжаю нести пургу я. — Кому, как не мне, кошке, об этом знать?

Профессор делает шаг ко мне, а воздух вокруг нас словно наэлектризовывается, когда он чуть склоняется, как будто чтобы что-то рассмотреть в моих глазах.

Мне. Надо. Следить. За словами.

Зрачок Джонса вытягивается в вертикальную полоску. И в этот раз мне уже не кажется, это точно именно так. И сейчас мне очень хочется…

— Кто вы? — произносится само собой.

Кажется, это должна была быть его фраза, потому что я слишком неаккуратна в своей речи. Но ведь лучшая защита — это нападение.

— Вы о чем?

Мой вопрос в мгновение рассеивает напряжение в атмосфере, и Джонс тут же выпрямляется и отходит на шаг. Как будто мой вопрос напугал его.

Значит, я права, и ему есть что скрывать? Интересно. Все же надо будет попытать Мист. Когда я эту непоседу увижу, конечно.

Но сейчас меня интересует кое-что другое. Его глаза и странные повадки.

— Вы же тоже оборотень, — говорю я. — Ведь я права?

Джонс заметно расслабляется, а на его губах появляется странная усмешка.

— Если вы и играете, то делаете это гениально, — говорит он. — Я дракон.

А вот тут приходит время напрягаться и терять дар речи мне. Дракон! Это такой огромный, огнедышащий и обожающий жрать рыцарей?

— А… Оу… — выдаю я что-то нечленораздельное.

— Я рад, что смог лишить вас речи. Судя по тому, какие слухи ходят про вашу стычку с кланом в столовой, это сделать достаточно сложно, — замечает Джонс, заставляя меня краснеть. — Идемте, я провожу вас к аудитории. Мне не очень хочется быть наставником студентки, которая не знает, что такое прийти на занятие вовремя.

Мы немного возвращаемся обратно, делаем два поворота и проходим по третьему переходу. Тому, через который я еще не ходила. Ну как вот так?!

В итоге мы действительно оказываемся перед двустворчатыми дверями в аудиторию.

— Надеюсь, в этот раз вы никого не обольете водой, — на прощание, после моего “спасибо” себе под нос, говорит Джонс и уходит.

Я стою, рассматриваю помещение и теряюсь от мысли, что если это малая аудитория, то какой же тогда будет большая?

Зал как две лекционные аудитории в моем старом университете, потолки, расписанные какими-то боевыми сценами, неизвестными мне, даже колонны и небольшой постамент для преподавательского стола.

Кроме него тут еще десять учебных столов, на которых сейчас парень, то ли старшекурсник, то ли какой-нибудь аспирант, расставляет штативы с подвешенными на них перьями. Он аккуратно проверяет все нити, складывает лишние перья обратно в большую стеклянную банку и скрывается вместе с ней за большой белой ширмой, отделяющей дальнюю треть аудитории. Видимо, там что-то типа лаборантской.

— Кэтти! И ты тут?! — слышу я знакомый оклик.

— Майла? Тебя тоже выписали? — удивленно спрашиваю я, когда вижу свою недавнюю соседку по палате.

— Да! Мне сказали, что никакой бессонницы у меня нет и запретили читать про попаданок, — девушка забавно морщится. — Как будто меня их запрет остановит.

— А почему ты тут? Тут же вроде бы только самые начинающие должны быть?

— У меня всегда было плохо с магией, так что я этот курс прохожу уже третий раз, — улыбается Майла, нисколько не смущаясь того, что у нее что-то не получается.

Я бы уже, наверное, сгорела со стыда и списала себя в утиль. С моим стремлением освоить все и сразу столько раз проходить один курс и особо не иметь успеха стало бы трагедией.

— Кстати! — она хватает меня за руки. — Я слышала, как ты уделала Вернона с его невестой! Это улет!

— Эм… с кем?

— Ну с его невестой, Клариссой Крамер, — говорит Майла, а до меня доходит, что это она про блондинку. — Такая заносчивая и злопамятная особа… Ты бы ей дорогу лучше не переходила.

Я вздыхаю и качаю головой:

— Чтобы не переходить никому дорогу, нужно просто лечь и лежать. Да и тогда кому-то все равно помешаешь.

Майла смеется, мы болтаем ни о чем, а потом в аудиторию входит преподавательница — стройная светловолосая женщина. Она рассказывает нам, как именно нужно направлять магические потоки, что и в каком месте чувствовать, а потом дает задание — постараться чуть-чуть отклонить перо плетением потока воздуха.

Сложность состоит именно в регуляции силы потока. Особенно для меня, ведь я даже понятия не имею, как чувствовать эту самую магию в себе.

Видимо, преподавателю сказали обратить на меня особое внимание, потому что она подходит ко мне отдельно и еще раз повторяет задание, остановившись на конкретизации ощущений.

Я должна ощутить тепло во всех частях тела и перемещение этого тепла как потока к кончикам пальцев. Но при этом не дать этому потоку сорваться в полную силу. Потихоньку, дозированно.

— Сосредоточьтесь! Пальцы сложены в знак “потока”. Мысленно представьте себе легкий бриз... — она немного поправила мои руки, направленные на перо, подвешенное на веревочке.

Я действительно чувствую, как внутри что-то откликается — странное, теплое и пульсирующее. Я подобное уже чувствовала, когда пыталась “вытереть пыль” в комнате.

“Только легкое колебание…” — прошу я сама себя.

Но стоит мне даль волю магии, чуть-чуть спустить ее с кончиков пальцев, как она вырывается неконтролируемым потоком, подхватывает все перья на всех штативах и закручивает их в мощном потоке воздуха.

И если бы только этим все ограничилось! Несмотря на все мои попытки остановиться, бриз явно превращается в ураганный ветер, который в итоге сносит просто все штативы, сдвигает столы… роняет ширму и почти сразу стихает.

Зато нам открывается весьма интересное зрелище — та самая блондинка, Кларисса Крамер, невеста моего единокровного братца, целуется с парнем-лаборантом.

Глава 13

Вот это пердимонокль, как бы сказала моя бабка.

В аудитории наступает гробовая тишина. Конечно, после того как прекращается стук от упавших на пол челюстей. Даже шепотков нет, потому что никто не ожидал такого перформанса.

Во всей этой ситуации есть плюсы и есть… весьма очевидные минусы. Из плюсов — карма догоняет особо ретивых. Это я про Клариссу, которая все время пыталась ткнуть меня носом, а теперь сама стоит с круглыми глазами, полными ужаса от осознания своего падения.

Ну а минусы… Она практически сразу находит взглядом меня, меняется в лице и шипит:

— Это все ты…

— Ну конечно, я, — ехидно отвечаю я. — Затащила тебя за эту ширму и силой заставила целовать несчастного лаборанта, которому теперь Вернон голову откусит.

Бедный парень в ужасе отшатывается от Клариссы, опрокидывая стоящий позади него столик с коробкой. Раздается грохот и звон разбитого стекла, а потом отмирает преподаватель:

— Крамер, Гровальд, — она гневно обращается к Клариссе и лаборанту, — немедленно к ректору. Уоткинс… — ее взгляд перемещается на меня, а волосы, кажется, поднимаются в воздух змеями-альбиносами. — Вы уберетесь здесь. Без магии. Остальные свободны! Когда будет дополнительное занятие, я сообщу отдельно.

Майла с сочувствием смотрит на меня, предлагает остаться, но я отказываюсь. Остальные студенты, шушукаясь и обсуждая произошедшее, тоже уходят, поэтому я довольно быстро остаюсь наедине с преподавателем.

— Соберите весь мусор и более-менее прилично расставьте мебель, — говорит преподавательница уже гораздо спокойнее, чем до этого.

— И все? — удивляюсь я.

— Конечно, — она с легкой улыбкой смотрит на меня. — Не ваша вина, что не получается сразу обуздать все то, чем вас наделила природа. Но для вида я должна была придумать наказание. Чтобы те, кто не хочет напрягаться, не думали, что можно бездельничать.

— А вы думаете, я не просто бездельничаю?

— Нет, конечно, — преподавательница качает головой. — Вы как будто… Как будто вообще впервые почувствовали, что такое магия.

Ну… не совсем впервые, конечно, но осознанно — да. Но разве это не кажется ей странным для девушки, которая уже на выпускном курсе?

С уборкой — особенно без использования магии — я справляюсь довольно быстро. Очень жалко мелкую стеклянную посуду, которая разбилась, когда лаборант отшатнулся от львицы, а в остальном ущерб от моего “легкого бриза” оказывается незначительным.

Я поднимаю все штативы, собираю перья в коробку вместо разбившейся стеклянной банки, складываю осколки в коробку, выполняющую роль мусорного ведра, и покидаю аудиторию.

Конечно, понимание, что я так и не продвинулась в управлении своим магическим даром, расстраивает. Не все будут такими понимающими, как эта преподавательница. А некоторые так и вообще могут заподозрить неладное, как та же Майла.

Рассуждая про себя о том, что же делать мне, бедной и несчастной, удивляясь, что обратную дорогу я нахожу быстро, я выхожу из корпуса на одну из аллей, идущих к центральной площади с фонтаном.

Итак, Алессандра сказала, что варианты вернуться есть. Но для моего случая они пока неизвестны. А, значит, что? Значит, их надо искать. И начать надо с…

— Кэтти! — Лео словно выпрыгивает из кустов.

А, может, так оно и есть? Я же его нигде не видела рядом. В любом случае на ловца и зверь бежит.

— Ты тоже оборотень? — второй раз за день задаю один и тот же вопрос.

— Кот, — чуть смущаясь, отвечает Лео. — Черный.

Это тот самый, у которого, по моим словам, проблем с навигацией нет?

— Понятно, — киваю. — Я как раз думала, где тебя искать. Ты в каком-то отдельном доме?

— Нет, — он мотает головой. — У оборотней-одиночек свой отдельный жилой корпус. Позади всех домов.

Вот как. А у преподавателей, интересно, как? У всех и каждого свои личные башни? Так, наверное, вся академия была бы только башнями забита. Хм… Это наталкивает на определенные выводы, господин Джонс…

Но это я что-то отвлекаюсь.

— Ты передумала? — спрашивает Лео.

— Вероятнее всего, нет, — уклончиво отвечаю я. — Просто потому что не помню, о чем должна была думать. Я хотела тебя спросить, где тот артефакт, который мы пытались использовать.

Мне кажется, что Лео немного расстраивается, но он явно не из тех, кто будет “прогибать” под свои желания. Надо хотя бы для приличия узнать, что они с Кэтти планировали сделать, если бы артефакт не сработал.

Парень достает из кармана небольшой — размером в половину моего кулака примерно — булыжник. Вернее, он был бы простым булыжником, если бы неизвестный мастер не поработал над ним. Камень искусно вырезан так, что, кажется, внутри несколько слоев каменных кружев разного узора. И в самом центре — маленькое каплевидное углубление с бордовым кристаллом.

Очень необычно и красиво. Не представляю, сколько сил и времени потребовалось для создания подобного.

— Вот, — Лео протягивает этот артефакт мне.

— А что ты сделал, чтобы он сработал? — спрашиваю я. — Капнул своей кровью?

Лео немного бледнеет и мотает головой.

— Нет! Хотя ты пробовала, — говорит он. — Я просто… уронил его в воду.

Как… с одной стороны, нелепо, а с другой — логично. Вода же нормальная среда для химических реакций. Может, и для магических тоже?

Внимание на себя отвлекает большая рыжеволосая фигура, приближающаяся к нам со стороны площади. Вернон. А следом за ним, похоже, его верные прихлебалы и просто интересующиеся.

— Смотрю, ты нашла себе общение по статусу, да? — рычит “братец”.

Злой. Наверняка уже в курсе адюльтера его ненаглядной, ну а злость решил сорвать на мне.

— Предпочитаю выбирать по интеллектуальным способностям, — отвечаю я. — Поэтому с тобой точно не жажду общаться — со скуки умру.

Вернон делает один-единственный выпад вперед и успевает выхватить у меня из руки артефакт. Сволочь.

— А что это у нас тут? Что, важная для тебя штучка? Романтический подарок от этого облезлого кота? — издевается Вернон, крутя в пальцах то, что может дать ответ на вопрос о том, как же мне вернуться домой.

— Тебе какое дело? — спрашиваю я. — В твоих амурных делах не поможет. Тебе бы артефакт верности.

Зря сказала. Глаза “братца” наливаются красным, а из ушей вот-вот пойдет дым.

— Совсем страх потеряла, кошка безродная? — вопит он, а потом спрашивает: — Тебе нужна эта штука? Тогда на колени! И проси у меня прощения!

Я аж закашливаюсь от неожиданного заявления. Но ситуация серьезная. Вернон не шутит — он чуть сильнее сжимает руку, и до меня доносится тихий хруст артефакта. Козел, а не лев, вот кто он!

Лео застывает в шоке. Толпа смотрит в ожидании того, чем это представление закончится. А я… Меня накрывает злостью.

Успеваю только шепнуть Лео “готовься”, как неконтролируемые чувства снова захлестывают с головой, запуская процесс превращения, и я обнаруживаю себя на земле с лапками. Но на лапках у меня есть коготки!

Я с разъяренным “р-р-р-мау” прыгаю на лицо Вернону.

Глава 14

Братец успевает закрыться рукой, поэтому я вцепляюсь когтями в его предплечье. Из пальцев выскальзывает артефакт и отлетает в кусты, тут же теряясь там.

Я шиплю и кусаюсь, слыша, как трещит ткань рубашки Вернона, и замечая, как проступает кровь. Мысленно надеюсь, что Лео хватит мозгов нырнуть в кусты в поисках артефакта.

Но все идет несколько иначе. Вернон издает по-настоящему львиный рык, а тело его начинает трансформироваться.

Вот тут я осознаю, что пора делать ноги, точнее лапы. Но в этот раз Лео оказывается проворнее. Он подхватывает меня под пузико, прижимает к себе и быстро, очень быстро сбегает.

Никогда бы не подумала, что Лео может быть настолько ловким: он легко уклоняется от веток, ныряет в какие-то арки, обегает ящики. У меня только все перед глазами трясется так, что укачивает, да ветер в ушах свистит.

Мы останавливаемся в тихом дворике около огромного дерева. Лео прислоняется к стене невысокого здания и сползает по ней на землю. И я у него на руках.

Парень тяжело дышит, прикрыв глаза, и отпускает меня. Я кулем сваливаюсь на его колени и пытаюсь тоже привести изображение перед собой в порядок. Ну как минимум, чтобы оно не двоилось.

— Мяу, — выдаю я, подразумевая “спасибо”, и несколько раз прохожусь языком по шерстке на груди.

Тьфу, гадость! Но уже поздно.

— Я иначе поступить не мог, — отмахивается Лео.

Как там ректор говорил? Надо успокоиться и представить себя человеком?

Вдох-выдох… Ощущение странное, будто выворачивают наизнанку, а потом встряхивают. Через пару мгновений я уже сижу на теплой земле, чувствуя, как прохладный воздух касается лица.

Одежда на месте, что не может не радовать — все же хорошая эта штука, артефакт сохранения. Иначе я бы возненавидела все эти превращения в кошку.

— Артефакт остался у Вернона, — вздыхаю я и присаживаюсь рядом с Лео.

— Лучше артефакт, чем ты, — произносит парень и вытирает тыльной стороной запястья лоб. — Но отец не обрадуется.

— Вернон меня съест, — еще одна констатация неутешительного факта.

И самое интересное, что “съест” братец может осуществить буквально. Что там льву кошка — так, на один зуб.

— Побоится, иначе его самого съест Джонс, — возражает Лео.

— О чем ты? — спрашиваю я.

— Да так. Может, показалось.

Я поворачиваюсь и внимательно присматриваюсь к приятелю. Он напряженно о чем-то думает, оттого кажется серьезнее, чем я его до этого воспринимала.

— Лео, — зову его я. — А о чем мы с тобой договаривались? Ну… если артефакт не сработает?

Он молчит, хмурится, раздумывает, отвечать или нет.

— Ладно, не хочешь говорить…

— Мы собирались тайно обвенчаться, — внезапно одной фразой выпаливает парень. — Формально. Просто, чтобы было. Мы с отцом не принадлежим ни к какому клану, ты бы просто вошла в нашу семью.

Я киваю:

— Да-да, я понимаю, для чего это мне. А тебе?

Больше всего не хочется сейчас услышать, что он влюблен. Потому что влюблен-то он был в Кэтти, а я не она. Потерять человека, который нравится, — очень грустно.

— В западных хребтах не любят чужаков, особенно оборотней, — говорит парень. — Это связано с их предрассудками. Туда пускают только женатых, а я всегда хотел туда отправиться.

Я с облегчением выдыхаю: да, это не делает для Лео задачу проще, но, по крайней мере, не разбивает ему сердце.

— Ладно, я поняла. В любом случае у нас сейчас главная задача вернуть артефакт — это нужно и мне, чтобы понять, что с моей памятью, и тебе, чтобы отдать отцу. А потом… потом мы обязательно найдем тебе кого-то, кто согласится отправиться с тобой в горы.

Он отмахивается, как будто не верит.

— О, Кэтти! — раздается совсем рядом голос Майлы. — А чего это вы тут?

Она подходит к зданию по одной из дорожек, смотрит на меня, а потом пересекается взглядом с Лео и замирает.

Они оба удивленно распахивают глаза, но быстро отворачиваются.

— Майла! Мы с Лео тут немного прячемся. А ты? — отвечаю я.

Майла снова смотрит на Лео и легко улыбается.

— Так это жилой корпус моего факультета, — она указывает на здание, около которого мы и притаились. — Ты не представляешь, какой переполох устроила! Тебе уже столько всего приписали! И то, что ты ясновидящая, и то, что можешь видеть сквозь стены. А кто-то вообще сказал, что ты наследница богов. Из-за случая с Клариссой.

Ага. А я просто попаданка, которой пока что везет.

— Бред, — фыркаю я. — Это была случайность.

— А Кларисса… Она так громко кричала, что это ты ее заставила! — продолжает делиться слухами Майла, периодически бросая взгляды на Лео. — Что же теперь будет делать твой брат?

Ну… как минимум залечивать царапины. И придумывать разные способы, чтобы отомстить мне: вместо извинений я снова подвергла его унижению. Я в заднице.

Еще некоторое время мы болтаем о ходящих по академии слухах и новостях. Я все впитываю, стараюсь запоминать, потому что это хоть как-то вводит меня в “правила игры” этого мира.

А потом расходимся — Майле с Лео “случайно” оказывается по пути, а я ухожу в башню к Джонсу. Решаю даже пожертвовать своим ужином, только бы не пересекаться с Верноном и компанией.

Все это время я листаю учебники, выискивая в них те крохи информации, которые мне понятны, и пытаюсь сообразить, что же мне делать с моей силой и как вернуть артефакт, не прибегая к помощи Алессандры или ректора — боюсь, что откровенный обыск может спровоцировать конфликт с домом львов. А кому нужны лишние конфликты?

И ничего меня не может отвлечь, пока… Пока до меня не доносится тонкий, чуть острый аромат сыра. Видимо, в этом теле обоняние чуткое, потому что мой желудок мгновенно вспоминает, что я пропустила ужин.

Как по ниточке я нахожу дорогу к лакомству: на столе в кабинете Джонса лежит нетронутый бутерброд с сыром. Дальше — темнота, провал, забвение, из которых меня выводит голос хозяина кабинета:

— Вы решили, что раз билеты утащить не получилось, то надо оторваться хотя бы на моей еде?

Глава 15

Я ощущаю приятный, чуть солоноватый, с остринкой вкус сыра на языке, дожевываю бутерброд и хочу выдать свою любимую фразу: “Я ничего не делала!” Но тут-то уже поймана с поличным! И не отмажешься ведь…

— Вы пропустили ужин, — это не вопрос, это констатация факта.

— Я решила почитать учебники, — говорю я и ведь почти не вру.

— Учебники никуда не убежали бы, а так я лишился бутерброда, — Джонс с досадой смотрит на пустую тарелку. — Мист!

Из воздуха материализуется девушка-дух и внимательно смотрит на преподавателя.

— Вы что-то хотели, хозяин? — спрашивает она, а потом оборачивается ко мне и подмигивает.

Это не укрывается от внимания Джонса, и он удивленно смотрит на меня:

— Ты… Ты ее видишь? — спрашивает преподаватель.

Я поднимаю брови и киваю. Не только вижу, но и слышу. Джонс хмурится, поджимает губы и, прищурившись, переводит взгляд на Мист:

— Принеси ужин студентке Уоткинс, — говорит он. — И чай. На двоих.

— И сыр! — внезапно выдаю я.

Мист хихикает, а Джонс задумывается на мгновение, а потом добавляет:

— И сырную тарелку.

Кажется, кто-то разделяет мою страсть к сыру. Поэтому так разозлился?

— Садитесь, Уоткинс, — говорит Джонс, когда исчезает Мист. — Обсудим ваши успехи за сегодняшний день.

И произносит он это так… вкрадчиво, что я понимаю, что вряд ли он собирается гладить меня по головке. Ну и пусть! Я вообще горжусь собой, что пережила этот день. А то, учитывая их отношение к попаданкам, могла и не пережить.

Я занимаю кресло около камина, на которое указал мне Джонс, а он сам опускается во второе.

— Итак. Вы заставили зацвести шкаф… Да-да, я знаю, что это все же вы, — качает головой Джонс, давая мне понять, что не стоит пытаться оправдываться и говорить, что это не я. — И это уже само по себе подозрительно, поэтому я запросил вашу карту у Курт. Вам же нечего скрывать?

Я натягиваю улыбку, не зная, что именно он подразумевает под этим вопросом. Так-то у меня столько секретов, что хватит на немаленький сундучок.

— Нет, конечно. Да и если было бы, разве я могла бы скрыть?

Джонс скептически поднимает бровь, но не комментирует, а продолжает:

— Вы облили меня водой, унизили сына главы вашего клана и… — он вздыхает. — Только вы были способны на такое! В попытке разгромить малую практическую аудиторию выявили скандальное поведение невесты вашего брата, тем самым разрушив очень серьезные клановые договоренности. Вы хотя бы представляете, что сейчас творится в вашем клане?

Мотаю головой. Нет, понятия не имею и не особо желаю знать, просто хочу держаться как можно дальше от них.

— Плохо, что вы даже не задумываетесь о последствиях ваших поступков, — отчитывает меня Джонс. — Но еще хуже, что вы не думаете о том, как это повлияет на вашу собственную жизнь.

— М… А при чем тут Вернон и его невеста и моя жизнь? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри появляется неприятный тревожный зуд.

— Ах да, вы же все забыли! Но я вам напомню. Ректор распорядился перевести вас на другой факультет, буквально вырвав из привычного сообщества, — говорит Джонс. — Но вы все еще принадлежите своему клану. А глава клана, ваш, между прочим, отец, очень зол сейчас, ведь его планы рушатся. Гайверс тоже зол, ведь вы должны были стать его наложницей. Но именно вы указали на неверность его сестры, брак под угрозой, и что ждет вас, если вы попадете к нему…

Стоп. То есть Кларисса — это сестра этого самого Гайверса? А ведь именно им меня пугал Вернон. Как все у них сложно. Но в любом случае слово “наложница” по отношению ко мне — это уже само по себе вызывает отвращение.

Может, теперь мой так называемый “папочка” решит, что не стоит меня отдавать? И вообще, зачем ему рыжая кошка в составе львов? Как-то меня настораживает весь этот обмен. Сестру главы клана на… кошку?

— Мне сказали, что есть возможность отсрочить экзамены на год? — уточняю я.

— Ректор может вынести соответствующее решение, но… — взгляд Джонса становится жестче, как будто я этим вопросом наступила на тревожащую его мозоль, и он переводит взгляд на камин. — Для этого нужны серьезные обоснования и согласие клана.

Ага… А согласия, как я понимаю, можно не ждать. У них уже есть на меня планы.

— Что я могу сделать, чтобы вам помочь? — спрашиваю я.

В конце концов, Кэтти тоже хотела побыстрее убраться из клана, значит, были поводы. Мне надо просто разузнать все их.

— Хотя бы не встревать в прямые конфронтации с вашим кланом, — отвечает Джонс. — Постараться побыстрее вспомнить, с кем у вас были романы и… прикладывать больше усилий в обучении, иначе его могут счесть бессмысленным.

— С кем были романы? — возмущенно переспрашиваю я. — Зачем это?

Но Джонс не удостаивает меня ответом, а на столике между нами появляется тарелка с ароматной тушеной картошкой с гуляшом и, самое главное, сыр! Желудок, несмотря на недавнее подкрепление бутербродом Джонса, издает жалобный “ур”, и я понимаю, что все прочие вопросы уже не имеют столь важного значения.

Преподаватель удивленно смотрит, как я с аппетитом уминаю ужин, активно поглощая и содержимое сырной тарелки. После Джонс отправляет меня в комнату, и я даже почти дохожу до нее, но меня пронзает внезапной мыслью: а что, если Вернону вообще и в голову не пришло искать артефакт? Может, он до сих пор валяется в кустах?

Когда все звуки в башне стихают, я перевоплощаюсь в кошку — ура, мне это дается все лучше с каждым разом — и выскальзываю на улицу, торопливо перебирая лапками в сторону того места, где мы столкнулись с Верноном.

Не скажу, что сильно переживаю, но вид академии с точки зрения кошки несколько отличается от того же с высоты человеческого роста, поэтому мне несколько раз приходится остановиться, чтобы осмотреться и убедиться, что я иду в правильном направлении.

Пробираюсь даже через несколько кустов, чтобы не попасться никому. Я нахожу нужное место и начинаю внимательнее присматриваться, а потом в зарослях совсем рядом раздается неожиданный шорох.

Глава 16

Шерсть на всем теле встает дыбом, хвост поднимается трубой, я вздрагиваю и шиплю. Пугаюсь. Навстречу мне, так же петляя меж веток кустов, выходит черный кот.

— Мяу! — почти шепотом произносит он, и я удивительным образом узнаю в нем Лео.

— Мяу! — отвечаю я, хотя на самом деле хочу спросить, какого черта он тут делает.

Наверное, глупый вопрос, потому что понятно, что он в эти кусты сунулся для того же, для чего и я — найти артефакт. Но спросить хотелось. Интересно, он понял, о чем я?

Ответа я не дожидаюсь, Лео просто шевелит носом и кивает мне в сторону, мол "я ищу там, а ты тут". Тоже киваю, и мы расходимся по разным углам.

Еще ни разу за все время пребывания в этом мире я так не радовалась, что оказалась именно кошкой! Темно, как у негра, а мне все равно — кошки отлично видят ночью.

Только толку в этом, к сожалению, не так много, как хотелось бы: артефакта нигде нет. Я фыркаю, натыкаюсь на колючие ветки, залезаю даже в самую глубь куста, вглядываюсь в каждую щель между корнями, ворошу лапкой прошлогоднюю листву. Где же этот проклятый артефакт? Должен же он тут быть!

Но все бесполезно. Может, Лео повезло больше?

Пробираюсь обратно между тонкими стволами, с удовольствием чувствую, как плавно и грациозно изгибается кошачье тело.

Но отвлекаюсь на эти мысли настолько, что неловко цепляюсь задней лапой за отклоненную ветку. Она с силой распрямляется, пружинит и меня подбрасывает вперед. Я с размаху влетаю в Лео, мы оба с перепугу шипим, пуша хвосты, и в итоге оказываемся в совершенно нелепом клубке из лап, хвостов и недоуменного кошачьего ворчания. Запутались так, что с ходу и не поймешь, где чья конечность.

— Что здесь за несанкционированные ночные вылазки? — раздается над нами знакомый голос, а кусты накрывает тенью.

С испуганным "мряу" мы с Лео разлетаемся в стороны. Джонс просто стоит над нами и смотрит. Мне кажется, я никогда не видела его таким… раздраженно-уставшим.

Лео бросает на меня полный извинений взгляд, жалобно "мяукает" в сторону профессора и сливается с темнотой ночи, оставив меня разбираться с последствиями.

Я, как обычно, не нахожу ничего лучше, чем сделать лапы, но не успеваю сделать и шага. Сильная, но бережная рука хватает меня за шкирку и приподнимает. Я беспомощно повисаю в воздухе, поджав лапки.

— Достаточно приключений, — произносит Джонс и легонько сжимает в руках. — Да-да, я знаю, студентка Уоткинс, вы ничего не делали. А вот что именно вы не делали, пожалуй, мне и расскажете.

Он несет меня, не выпуская, и всю дорогу ворчит себе под нос, но я разбираю лишь обрывки: "…на мою голову…", "…наверное, меня прокляли…", "…с Ферстом у меня будут свои счеты…".

Сначала мне очень неловко, а потом… Потом его аромат можжевельника так мягко окутывает меня, расслабляет, что я с радостью прижимаюсь к горячей груди и, кажется, даже успеваю задремать, так плавно Джонс умудряется двигаться.

Войдя в мою комнату, он наконец-то ставит меня на пол, но блокирует выход. Сразу становится неуютно, прохладно.

Эй! Чего это я?! Джонс представляет для меня опасность, а я тут совсем размякла! Непорядок.

Я сажусь, стараясь выглядеть как можно более безобидно и едва сдерживаясь от того, чтобы вылизать слегка помятую в давке шерстку.

— Пять секунд на трансформацию, — строго, но устало произносит Джонс. — Потом использую принудительное плетение.

Фыркаю: напугал. Хуже, чем было до этого, уже ничего не будет — по крайней мере, мой кулон при мне, и то радость.

Я настраиваюсь на свой человеческий облик, немного концентрируюсь, а потом обнаруживаю себя уже в своем теле, сидящей на полу. Надо бы запомнить, что трансформироваться приятнее в кресле или кровати.

— Итак, я жду правды, студентка Уоткинс, — говорит Джонс, глядя на меня сверху вниз.

Так разговаривать мне точно не по душе, поэтому я поднимаюсь на ноги, отряхивая юбку, но все равно оказываюсь ниже его. Приходится вздернуть подбородок, чтобы не было чувства, что он имеет преимущество.

Но все же в итоге сдуваюсь и со вздохом рассказываю о том, как Вернон отнял и чуть не сломал артефакт, как тот упал в кусты. И упоминаю, что этот артефакт, возможно, является ключом к моей памяти, поэтому его нужно найти.

Джонс слушает, и с каждым словом его лицо становится все мрачнее. Когда я заканчиваю, он взъерошивает волосы:

— Слушайте меня внимательно, студентка Уоткинс, — жесткость в его голосе заставляет сделать именно так, как он просит. — Кажется, мы уже договорились с вами, что вы больше никуда не лезете. К кустам это тоже относится. И к сомнительным компаниям. И к разборкам с кланом. И еще много к чему, что может стать вашей проблемой, потому что в данный момент времени все ваши проблемы уникальным образом становятся моими! Вам ясно?

Я нервно сглатываю после столь длинной и эмоциональной тирады. Киваю.

— А?.. — я собираюсь спросить про артефакт, но Джонс перебивает меня.

— А с артефактом я сам разберусь!

Он выходит из комнаты, громко хлопнув дверью. Может, мне кажется, но, по-моему, защелка на двери закрывается… с наружной стороны.

Ну и ладно! Ну и пусть! Я вообще спать хочу. Если смогу.

Утром, едва я открываю глаза, в воздухе появляется Мист. Ее полупрозрачное тельце колышется у самой кровати.

— Доброе утро! — щебечет она, улыбаясь. — После завтрака тебя ждет профессор Курт. Не опаздывай!

Она исчезает, растворяясь в воздухе легким туманным облачком. Такое странное приглашение меня немного нервирует, но слово “завтрак” весьма неплохо нейтрализует тревогу. Поэтому я быстро собираюсь и бегу в столовую.

К моей радости, кулон определяет меня в этот раз за другой стол. А Вернону и всей его компании приходится только кидать на меня раздраженные взгляды почти через все помещение столовой.

Отмечаю, что Кларисса теперь тоже сидит за другим столом и ее взгляд еще неприятнее. Аж до мурашек пробирает, но… По ее внешнему виду заметно, что эта ее реакция, скорее, результат усталости и неприятностей, в которые она попала. У меня даже мелькает мысль пожалеть ее… Нет, пожалуй, не буду. Надо отдавать себе отчет в том, что и как ты делаешь.

Быстро завтракаю и отправляюсь в лазарет. Курт встречает меня в своем кабинете все тем же сосредоточенным, проницательным взглядом. Она указывает на стул, и я покорно сажусь.

— Я закончила первичный анализ, Кэтти, — начинает эльфийка без предисловий. — И кое-что выяснила. Конечно, помимо того, что это не простая потеря памяти.

Она внимательно смотрит на меня, давая понять, что знает о моей проблеме, но на моей стороне и не собирается сдавать меня властям.

— Да уж… Потеря памяти настолько сложная, что я понятия не имею, как разгребать все то, что я забыла, — сетую я, перебирая пальцами складки на платье.

— Если бы только это, Кэтти, — вздыхает Курт, обходя стол и присаживаясь на его краешек с моей стороны. — Твоя эльфийская кровь… Это может стать главной проблемой.

Я замираю, чувствуя, как по спине бежит холодок.

— Я могу в кого-то еще превратиться? Или в полнолуние у меня будут отрастать уши? — развожу руками, показывая, что не стоит ходить вокруг да около.

— Нет, — целительница качает головой, оценив шутку. — Кэтти невинна… Ты невинна. А, значит, являешься очень большой ценностью.

— Ценностью? — переспрашиваю я тихо. — Какой?

Эльфийка замолкает, и по ее взгляду я понимаю, что мне не понравится ответ.

Глава 17

— Да, — Курт кивает. — Понимаешь… В момент потери невинности эльфийка передает своему партнеру сокровенную силу. Бесценную, ни с чем не сравнимую. Тот, кто ждал тебя в своем гареме, прекрасно об этом осведомлен. В отличие от тебя.

Да уж, в отличие от меня, это точно. Вопрос, знала ли Кэтти, на что ее обрекают? Или просто боялась стать бесправной наложницей, потому и хотела сбежать?

И она смогла! Но не ценой же чужой жизни. Это как минимум нечестно по отношению ко мне: я хотела только лапки, а не кучу проблем в довесок к ним.

— И я, получается, такой одноразовый артефакт на ножках, который просто передадут из рук в руки, и все? Никаких угрызений совести, никаких “согласна ли ты”?

Курт качает головой. Да понятно, что вопросы больше риторические, но должна же быть во мне хоть капля оптимизма.

— Ты же понимаешь, что тебя просто не отпустят из клана? — говорит очевидное Курт.

Киваю.

— А мне что грозит после… м… такого подарочка с моей стороны? — спрашиваю я, чтобы рассмотреть самый отвратительный — ну, конечно, после смертной казни — вариант развития событий.

Эльфийка переводит взгляд на окно, а в ее глазах мелькает какая-то затаенная боль. Далекая. Уже почти пережитая, но все еще отдающаяся далеким эхом.

— Это как тонкая привязка. Жить не сильно мешает, но остается с тобой на всю жизнь. А жизнь у эльфов, даже полукровок, долгая, — последнее Курт произносит, уже с улыбкой глядя на меня. — Так что давай постараемся решить все проблемы так, чтобы она была счастливой.

— Если это вообще реально, учитывая все вводные, — вздыхаю я.

— Я видела то, что казалось невозможным. Поэтому я думаю, что, если мы хорошо все постараемся и будем работать сообща, все у нас получится, — подбадривает Курт. — Но ты должна знать, что из-за тебя одна из договоренностей кланов нарушилась.

— Вы о чем?

— О Клариссе. Но Гайверс вряд ли от тебя откажется. Поэтому, вероятнее всего, просто поднимутся ставки. Будь осторожна, Кэтти. Ректор и Алессандра пытаются выиграть для тебя время, но я уверена, клан не намерен отступать.

Я выхожу из лазарета с гудящей головой. Артефакт. Товар. Кажется, фраза “у меня лапки” уже не звучит так забавно. Теперь это, скорее, ценник.

Я опять блуждаю по академии, опаздываю на занятие по основам артефакторики, которое, проходит параллельно у студентов выпускного курса травоведения и первого артефакторов. Не знаю, по какому принципу подбирала мне расписание Алессандра, но, похоже, так, чтобы я максимально далеко была от “своего” клана.

Аудитория меньше, чем та, где я устроила апокалипсис с перьями. Преподаватель — пожилой гном с бородой, заплетенной в три косы и украшенной металлическими кольцами. Он что-то объясняет, когда я вваливаюсь и бормочу под нос извинения.

Гном сурово осматривает меня, и вид у него такой, будто он сейчас метнет в меня топор. Проскальзываю на ближайшее свободное место и показываю, что готова слушать и как губка впитывать знания.

Он откашливается, указывает на артефакт на столе и басит:

— Так все-таки, кто скажет мне, почему этот амулет не работает?

Я оглядываюсь, чтобы понять, насколько все плохо, потому что в аудитории тишина. Студенты пялятся на артефакт, как будто ждут, что он сам им подскажет, что с ним не так.

Я тоже решаю присмотреться, хотя ясно, что в этом я разбираюсь в этом примерно, как в квантовой физике черных дыр. То есть никак.

— Ну же! — рявкает гном. — Факультет Рукописей и Артефактов! А сидите как истуканы!

Он вытягивает палец, указывая на какую-то девушку с острым носиком, кудрявыми белыми волосами и высокомерным видом. Та чуть белеет и блеет:

— В нем нет магического ядра, мастер Громли.

Гном свирепеет еще больше.

— Ерунда! — отрезает гном. — Ядро есть! Ты, опоздавшая!

Его палец упирается в меня, а я чувствую, как во рту пересыхает. Я смотрю на артефакт, тот смотрит на меня. И тут в голове по какой-то неведомой мне причине всплывает детская загадка: “На что больше всего похожа половина апельсина?” На вторую половину.

— М… может, он не работает, потому что он парный?

Громли опасно прищуривается, наклоняя голову и глядя на меня исподлобья.

— Поясни.

— Ну… — я пытаюсь сформулировать мысль, которая просто возникла в голове. — Возможно, он активируется только тогда, когда второй такой же артефакт находится рядом. Или когда на второй артефакт воздействуют.

Мастер Громли замирает и убирает руку под стол. Мамочки! Надеюсь, у него там не боевой топор, который он в меня сейчас метнет?

Но гном достает оттуда точную копию первого артефакта, кладет рядом, и оба камня вспыхивают мягким голубым светом.

— Хоть у кого-то котелок здесь варит!

Чувствую на себе пронизывающий взгляд. Будь у той девушки лазеры вместо глаз, меня бы уже насквозь прожгло.

После занятия беловолосая выходит из аудитории, намеренно толкая меня в плечо:

— Безродной кошке только и надеяться, что привлечь к себе внимание. А то ведь больше ничего не светит, — фыркая, говорит она своей подружке.

Ох, зря она это! Я медленно, намеренно громко произношу. Так, чтобы она услышала, да и все вокруг тоже.

— Знаешь, я, конечно, кошка. Но, в отличие от некоторых болонок, мне не нужно, чтобы хозяин мне команды отдавал. Я своими мозгами пользуюсь. Попробуй как-нибудь, вдруг понравится.

Девушка замирает, а со всех сторон раздаются ехидные смешки. Кажется, это не входит в задачу сидеть тихо и незаметно, но я не могу терпеть высокомерие.

Едва я успеваю выйти из аудитории, меня под руки подхватывают два больших — по-настоящему огромных! — парня и настойчиво ведут куда-то.

— Глава клана ждет тебя в комнате для встреч, — говорит один из них.

— Отказов не принимается, — добавляет второй.

Глава 18

Ну конечно! Самый главный лев недоволен, что обидели его львенка. Да кто! Какая-то нагулянная кошка. Хотя теперь, когда я знаю особенности эльфиек, у меня уже возникают сомнения, так уж случайно появилась Кэтти и было ли это добровольное решение со стороны ее мамы.

Мороз по коже от таких мыслей. Но, судя по Вернону, папочка там не намного лучше, поэтому и такого варианта не стоит исключать.

Меня ведут в главное здание, в какую-то просторную, но как будто безликую комнату. Надо полагать, это что-то типа “комнаты для свиданий”. Что ж, радует, что хотя бы не в клановый дом, а то кто знает, что там за закрытыми дверями со мной могли бы сделать эти зверюги.

Вернон уже там. Он стоит у окна и смотрит на меня с откровенной ненавистью. Рука у него перевязана — видимо, там, где я его вчера поцарапала. Ай-яй-яй, киса обидела льва! Какая трагедия!

Но братец тут не один. В кресле рядом с окном сидит рыжий мужчина лет сорока – пятидесяти. Когда-то наверняка статный и красивый, но сейчас… Сейчас уже сильно потрепанный и заплывший возрастным намывом от праздной жизни и уверенности в собственном величии.

Так вот какой ты, “любимый папочка”.

— Кэтрин, — произносит он, снисходительно глядя на меня. — Ты доставила нам много хлопот.

Я молчу и с каменным лицом смотрю на него. Он тоже глядит в ответ и ждет. Не дождавшись, поднимает бровь, протягивает мне руку с крупными, но короткими пальцами с массивными перстнями.

— Ты, конечно же, хочешь попросить прощения и благословения, не так ли? — видимо, подсказывает “папочка” и кивает на пол у его ног.

Это он имеет в виду, что я должна упасть на колени и лобызать его лапы, что ли?

— Нет, — пожимаю плечами.

Кажется, этим я сбиваю весь его благодушный настрой и напрочь рушу ожидания. Ну… его проблемы.

— Ты!.. — Вернон срывается с места, но отец поднимает руку, и тот застывает, но не перестает шумно дышать, прожигая меня глазами, словно бластерами.

— Ты хотя бы понимаешь, что делаешь? — загадочно спрашивает “папочка”. — Я милостиво принял тебя, не дал подохнуть от голода в какой-нибудь подворотне!

Ага. И растил как полезный живой товар, за счет которого можно обрести для клана что-то выгодное. Ну это так… Мелочи. И я еще не знаю, что там с мамой случилось.

— Я ничего не помню, вам должны были передать, — спокойно отвечаю я. — Поэтому я просто веду себя в соответствии с ситуацией. Когда меня унижают, я даю сдачи. В прямом и переносном смысле.

Вернон пыхтит, уже не стесняясь, сейчас, кажется, рычать начнет. Папаша краснеет, шерсть, то есть волосы, начинают топорщиться в разные стороны, а глаза угрожающе темнеют.

— Дура! Думаешь, это освобождает тебя от ответственности за то, что ты разрушила договоренность, которая была еще с твоего рождения? — угрожающе цедит сквозь зубы отец.

— Это Кларисса разрушила ее, когда решила, что целоваться с лаборантом за ширмой — хорошая идея, — возражаю я. — Или вы считаете, что я должна была вежливо отвернуться и притвориться, что верность в вашем клане — понятие необязательное?

Вернон бьет кулаком по стене от ярости. Слышится хруст. Надеюсь, это не стеновые панели, а рука этого ненормального — может, хоть сначала думать будет, прежде чем что-то делать.

Рыжий-старший — я, кстати, так и не выяснила, как его зовут, — долго, не мигая смотрит на меня.

— Значит, ты решила так играть? Думаешь, если Ферст почему-то решил обратить на тебя внимание, это спасет твою шкуру? Ты правда считаешь, что твой перевод на другой факультет будет иметь хоть какое-то значение, если Гайверс решит тебя забрать?

Вот теперь я как-то совсем не уверена, а под рубашку заползает пренеприятнейший холодок, пробирающий насквозь.

— Глупая, — "папочка" даже не двигается, просто смотрит на меня. — Ты, — цедит он, — собственность клана. И всегда ею будешь.

Вскидываю подбородок и распрямляю плечи, собираясь отстаивать себя до последнего. А если что — сбегу кошкой. Но это, оказывается, еще не все новости, которые хотел на меня вылить папаша.

— Знаю, что ты не в курсе. Но Гайверс был так расстроен поступком своей сестры, что… уже заплатил мне за тебя. Он отдал мне "Осколок тени" — артефакт, который наш клан искал десятилетиями, еще до твоего рождения. Сделка состоялась. Твоя невинность принадлежит ему. Да ты вся уже принадлежишь ему.

М… А в случае брака возврат предусмотрен? Может, мне… того? Раз — и уже точно никому больше не нужна. Ну подумаешь, привязка какая-то. Все лучше, чем к какому-то… Гайверсу.

— Осталось только произвести передачу товаров, — припечатывает "папочка". — Просто заруби себе на носу. Ты. Уже. Продана.

И пока я пытаюсь не свалиться в обморок оттого, что темнеет в глазах от нервов, в комнате раздается голос Джонса, полный злобной насмешки:

— И с каких пор в нашей стране разрешена торговля людьми?

Глава 19. Иррегард Джонс

Все ее проблемы волшебным образом действительно становятся моей головной болью. Причем проблемы она умудряется находить даже там, где их найти невозможно. Да она вся невозможная!

До невозможности непосредственная, до невозможности упрямая, до невозможности… притягательная. Особенно для неприятностей. Если бы мне когда-то сказали, что какая-то несчастная студентка заставит меня потерять голову, я бы не поверил.

Но вот я тут. Должен проверять работы студентов и выставлять заслуженные незачеты, а сам думаю, как достать этот несчастный артефакт, ради которого эта рыжая кошка пошла лазить по кустам ночью.

Да еще и не одна! А с каким-то… черным котом! Безобразие. Ему повезло быстро сбежать.

И нет, мне почти не стыдно, что я запер Кэтти на ночь в комнате. Это для ее же блага. И я сейчас не только про то, что ей могло взбрести в голову пойти искать себе приключений.

Мой дракон… Я такого от него не ожидал. Никто в моем роду не сталкивался с подобной проблемой, поэтому… Поэтому мне надо поговорить с Ферстом. В конце концов, это он заварил всю эту кашу с кураторством.

Этого, наоборот, стоило бы избегать в моем положении, но нет! На территории академии мне приходится его слушаться, сам на это пошел. И все же я не понимаю необходимости: ладно бы как в тот раз, когда мне надо было помочь девчонке начать осваивать магию иллюзий, с этим действительно мало кто, кроме меня, мог разобраться.

А в этот-то раз что? Чтобы мне было сложнее контролировать дракона?

— Мист! — зову я свою непоседливую Хранительницу.

Она появляется почти сразу, значит, следила за мной.

— Да, господин, — произносит дух, зависая в воздухе передо мной.

— Кэтти же уже была у Курт сегодня?

— В мои обязанности не входит следить за вашей подопечной, — отвечает Мист.

— Но ты же присматриваешь? — я чуть сдвигаю на кончик носа свои очки, помогающие проверять работы на предмет магических подсказок или других хитростей.

— Да, — с неудовольствием говорит Хранительница, как будто я поймал ее на преступлении. — Она необычная.

— И, конечно, тебе интересно узнать ее секрет? — я знаю, чем зацепить Мист.

Она кивает.

— Тогда мне нужен отчет Курт о Кэтти. Полный. Если она скажет, что полный только ректору, скажи, что иначе я сделаю запрос через форму номер один. И тогда все секреты, которые она пытается сохранить, будут известны…

Я не договариваю, но Мист быстро исчезает, а уже через несколько минут на моем столе появляется папка с полным отчетом о состоянии здоровья Кэтти. На первый взгляд ничего необычного, вполне здоровая студентка.

Отец — лев, мать — неизвестная эльфийка. Такая смесь крови привела к сильным изменениям, и вместо львицы получилась вполне симпатичная рыжая кошечка… В смысле рыжая девушка, которая имеет вторую ипостась кошки.

Это тоже не особо удивительно: магия, особенно у оборотней, — вещь сложная. Бывали, правда, очень редкие случаи, когда вторая ипостась при смешении крови вообще кардинально менялась.

А вот дальше… До потери памяти Кэтти имела весьма посредственный уровень магии. Зато после он начал зашкаливать. Еще немного, и мне пришлось бы завидовать ей, а ведь я второй… Хорошо, третий в королевстве, Вальгерда я обойти еще не смог — возраста не хватает.

И проявилось как раз эльфийское наследие Кэтти, которое дремало все это время.

Я просматриваю документ дальше. Точно, как я мог забыть про эту эльфийскую особенность? Теперь планы главы клана выглядят гораздо прозрачнее и тем страшнее.

Если до этого я думал, что это просто межклановые отношения, укрепление союза, планы, которые можно легко нарушить без особых проблем, что я рано или поздно все равно был бы вынужден сделать. То теперь… Теперь я слишком ясно понимаю, какую ценность представляет собой Кэтти для главы их клана.

— Господин, — передо мной появляется взволнованная Мист.

Обычно она не позволяет себе врываться ко мне без приглашения, но сейчас она явно обеспокоена.

— Что случилось?

— Ваша кошка… Она…

Дракон пускает по моим венам жар, поднимая в груди беспокойство и нехорошее предчувствие.

— Договаривай же скорее! — рычу на Хранительницу я.

— Ее отвели в комнату для встреч. Там молодой рыжий лев и главный злой лев, — выпаливает она. — Мне туда нельзя.

Зато мне можно!

Я тут же поднимаюсь из-за стола, снимая с носа очки и останавливаясь только для одного приказа:

— Ты сейчас проникнешь в комнату Вернона и найдешь артефакт. Попробуй его почувствовать — он как-то должен быть магически связан с Кэтти.

Пока ни Вернона, ни его папаши в доме нет, может сработать. А мне нужно поговорить с этими котами.

Плохо помню, как преодолел расстояние от своей башни до главного корпуса и комнаты для встреч. Зато прекрасно помню вспышку ярости, когда услышал: “Ты. Уже. Продана”.

Продана? Какого демона он даже не боится произносить такие вещи вслух? Ему очень не повезло, что это слышал именно я. Мне даже доказательств не потребуется, чтобы обвинить его, но хорошо, что он этого пока что не знает. Больше проблем огребет.

— И с каких пор в нашей стране разрешена торговля людьми?

Озлобленный старый лев поднимает на меня голову:

— А с каких пор в комнату для встреч пускают всех подряд? — цедит сквозь зубы он.

Я вижу, как Вернон позади него напрягается и тоже злится от бессилия.

— Куратор, ректор и декан имеют право присутствовать при общении студентки с гостями, — спокойно отвечаю я.

— Поскольку вы не относитесь ни к одной из этих категорий, предлагаю вам удалиться, — Уоткинс-старший вцепляется пальцами с выпущенными когтями в подлокотники кресла.

Не может сдержать трансформацию? А у вас, господин Уоткинс, кажется, проблемы еще больше, чем можно было предположить в начале.

— Я куратор студентки Уоткинс, — произношу я, видя, как глаза льва становятся красными от напряжения. — Во-первых, я имею право находиться здесь. Во-вторых, ваша встреча окончена. В-третьих, в следующий раз без моего личного согласия я запрещаю проводить встречу.

Вот теперь Уоткинс-старший вскакивает с кресла и подходит ко мне. Это выглядит даже забавно, потому что он по своей глупости и излишней самоуверенности подходит слишком близко и теперь глядит снизу-вверх — я как минимум на полголовы выше него.

— А вот это мы еще посмотрим, — выплевывает лев и выходит из комнаты, бросив на прощание усмешку своей дочери.

Следом за ним выходит и Вернон, а я чувствую, как Кэтти колотит нервная дрожь. Надо же, а ведь я ее такой еще ни разу не видел. Даже вчера, когда я нашел их с черным кошаком в кустах.

Но самая большая проблема не в этом. Вид растерянной и испуганной Кэтти словно дает силы моему дракону, и происходит то, чего не было ни разу в моей жизни — я начинаю терять контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.